

Галина Милоградская

ЗИМА БЫЛА
ХОЛОДНОЙ

Любовь в историческом антураже

Галина Милоградская
Зима была холодной

«Автор»

2019

Милоградская Г.

Зима была холодной / Г. Милоградская — «Автор»,
2019 — (Любовь в историческом антураже)

Америка, XIX век. Нельзя разбить то, что уже разбито. Так думала Алексис, когда бежала с послевоенного Юга на Запад. Так считал Киллиан, когда пытался скрыться в алкогольном тумане от теней прошлого. Так думал Колум, надевая сутану священника. Судьба свела их в Колорадо-Спрингс, связав друг с другом. Так началась их история. История о войне и попытках жить после; о преданности, силе и чести, но прежде всего о любви.

Содержание

===== Глава 1 =====	5
===== Глава 2 =====	11
===== Глава 3 =====	17
===== Глава 4 =====	23
===== Глава 5 =====	29
===== Глава 6 =====	35
===== Глава 7 =====	41
===== Глава 8 =====	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Галина Милоградская

Зима была холодной

===== Глава 1 =====

Февраль 1861 г. Вирджиния

Зима в этом году выдалась холодной. Даже для мягкого Юга, по которому прошли волной ледяные ветры. Все разговоры в гостиных сводились к двум вещам: опустится ли температура ниже тридцати двух и примут ли в Конгрессе новую Декларацию о создании Конфедерации. Но в «Белом цвете» было не до этого – здесь всю готовились к свадьбе.

Дочь хозяина одной из самых богатых плантаций штата, Алексис Каннинг, готовилась сочетаться браком с Джонатаном Коули. Благодаря этому браку два плантатора мечтали объединить свои владения. Хотя дети их, ко всеобщему умилению, не просто шли на поводу у родительских матримониальных планов, но и пылали друг к другу самой настоящей, искренней юношеской любовью. Даже сегодня, в день венчания, молодой Коули успел сбежать из «Трёх дубов» на встречу с невестой.

– Ты уверена, что мы сможем улизнуть после свадьбы? – Джонатан стоял посреди комнаты, которая сейчас напоминала примерочную знаменитой модистки: кружева, обрывки тканей, цветы лежали на полу, кровати и креслах. Сама невеста пряталась за объёмной ширмой, и жених мог разглядеть лишь слабый силуэт.

– Не хочу слушать шаривари* в первую брачную ночь. – Даже отсюда он мог почувствовать, как Алексис скривилась. – Это унижительно!

– Значит, я попрошу дядю Джона, чтобы он подогнал коляску к крыльцу сразу после того, как нас поздравят!

Джонатан в полной мере разделял опасения невесты, особенно учитывая недвусмысленные шуточки друзей из Вест-Поинта. Двое из них, кстати, были северянами, и это беспокоило Джонатана не меньше, чем первая брачная ночь. Пока они вели себя прилично, но поджатые губы и неодобрительные взгляды успели вызвать немало толков среди родных Коули и слуг «Трёх дубов».

– Масса Коули! – Грозный оклик няни Алексис заставил подпрыгнуть от неожиданности. – Как же вам не стыдно, масса Коули! Немедленно покиньте комнату мисс, пока я не сказала обо всём хозяину!

– Люблю тебя, Алекс! – только и успел выкрикнуть Джонатан, прежде чем спрыгнул с балкона, под которым его ждал конь.

– Стой! – воскликнула Алексис, выскакивая из-за ширмы и бросаясь к окну. Но успела увидеть лишь круп гнедого жеребца.

Свадьба была впечатляющая. В этом сошлись все. А на утро Юг взорвался новостью: южные штаты объявили о своей независимости.

Спустя два месяца разразилась беспощадная Гражданская война, из-за которой Юг потерял все деньги и привилегии, а тысячи бывших рабов оказались предоставлены сами себе. В ходе кровопролитных боёв Конфедерация была разбита, и осколки старого доброго аристократического Юга разлетелись по всей Америке под завывания пронизывающего холодного ветра с Севера. Лишённые имущества, денег, положения бывшие плантаторы и их семьи вынуждены были скитаться в поисках мира. В попытках вернуть хотя бы малую толику того, что потеряли навсегда...

***

Апрель 1867 г. Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

Пропитанный пылью дилижанс въехал в город и остановился у телеграфной станции, скрывшись в жёлто-серой дымке. Путники, кашляя и вытирая слезящиеся глаза, пытались разглядеть открывшийся им город, но в клубах пыли это мало кому удавалось. Наконец возница спрыгнул с козел и распахнул дверь.

– Добро пожаловать в Колорадо-Спрингс, господа! И леди. – Он учтиво кивнул и подал руку молодой женщине, изящно выбравшейся наружу. После нескольких дней в одном положении, исключая редкие стоянки и ночёвку на постоялых дворах, ноги затекли и слушались с трудом. Подобрав юбки, она отошла в сторону, наблюдая, как снимают багаж с крыши.

Сонная улочка пришла в оживление, стоило дилижансу вылететь из-за поворота, и теперь у дверей каждой лавки стоял народ – продавцы, покупатели, просто прохожие, с интересом рассматривавшие приезжих и составлявшие о них своё мнение. Судя по всему, женщина, стоявшая сейчас у дверей дилижанса, была не бедна. Тёмно-синее дорожное платье, застёгнутое на все пуговицы под самым подбородком, было сшито из добротного плотного хлопка. Тонкие чёрные кружевные перчатки на руках, которые, по предположению миссис Дженкинс, жены хозяина бакалейной лавки, точно не знали мозолей. Небольшая шляпка с изящной вуалью скрывала высокий лоб, а медовые густые волосы были припорошены пылью. Чуть вздёрнутый носик и излишне, по мнению той же миссис Дженкинс, пухлые губы придавали внешности незнакомки определённый шарм.

– Миссис Коули? – К леди подошёл возница. – Проверьте, все ли ваши вещи сгрузили?

Пройдясь внимательным взглядом по двум сундукам и трём небольшим дорожным сумкам, Алексис Коули медленно кивнула, наблюдая, как расходятся пассажиры. Все они вернулись домой, и лишь Алексис приехала в неизвестность. За недели пути возница и пассажиры стали почти родными, и теперь она остро почувствовала своё одиночество. Ещё минута – и Алексис осталась одна на деревянном настиле небольшой телеграфной станции крохотного городка.

– Мэм? – Алексис с надеждой обернулась и увидела долговязого мужчину с выпуклыми, как у рыбы, глазами. – Могу я вам чем-то помочь, мэм?

– О, пожалуйста! – Обрадовавшись, что рядом оказался хоть кто-то, небезразличный к её судьбе, она обернулась. – Я ищу мистера МакРайана.

– МакРайана? – Мужчина в удивлении приподнял брови. – Вы уверены?

– Да. – Пришла очередь хмуриться Алексис. – Мистер МакРайан пригласил меня сюда и должен был встретить.

Одарив её многозначительным нечитаемым взглядом, телеграфист нахмурился.

– Миссис Коули, – вспомнив о манерах, поспешила представиться Алексис.

– Ораст. Хэнк Ораст, – учтиво кивнул телеграфист. – Не знаю, мэм, простите, но вы выглядите слишком добропорядочно для той, кто мог приехать по приглашению МакРайана. Но если вы настаиваете... В это время обычно он находится в салуне. – Ораст показал на противоположную сторону улицы. На двухэтажном здании красовалась вывеска: «Рыжий пёс». Чуть ниже находилась приписка: «Еда. Выпивка. Нумера». – Подождите здесь, я его позову.

– Не стоит. – Алексис выдохнула, расправляя плечи. – Раз уж он меня вызвал, но не встретил, я хочу лично узнать причины отсутствия. Вы не посмотрите за моими вещами? – Она кивнула на багаж.

– Да, конечно, – откликнулся Ораст, с интересом наблюдая за тем, как Алексис пересекла улицу и направилась к дверям салуна.

– Смотри-ка, кажется, к нам новенькую принесло!

Стоявшие у дверей раскрашенные девицы насмешливо переглянулись. Алексис бросила быстрый взгляд в их сторону и тут же отвернулась, покраснев. Девушки были облачены в украшенные примитивной вышивкой ярко-голубые рубашки с неприлично низким вырезом. Алые

юбки лениво колыхались в такт движениям своих хозяек – те вертелись, привлекая внимание проходивших мимо мужчин.

Стоять здесь, слушая насмешки продажных девиц? Или войти внутрь, подвергнув себя ещё большему граду язвительных замечаний? «Приличная женщина никогда не переступит порог неприличного заведения!» – прозвучал в голове голос няни. Но что ей остаётся делать? Не ждать же под дверью, пока мистер МакРайан соблаговолит выйти! Можно, конечно, вернуться и попросить мистера Ораста, но Алексис не хотела расписываться в своей беспомощности в первые же минуты пребывания в городе. Она найдёт его и посмотрит прямо в глаза. Хотя, может, он просто не знал, что дилижанс приедет утром? Может, его задержали дела, и после бессонной тяжелой ночи он зашёл в салун пропустить стаканчик, ожидая её прибытия? Мужчина, который писал ей, не мог быть забудыгой, проживающим жизнь под стойкой. Определённо, у его задержки есть оправдания.

Подбадривая себя, Алексис решительно распахнула дверь и остановилась, привыкая к полумраку и тяжелому табачному дыму, висящему внутри. В салуне было шумно. Столы, расставленные вдоль стен, оказались все заняты – кто-то азартно играл в карты, несколько ковбоев в углу обсуждали недавний перегон скота. Трое прилично одетых мужчин неспешно потягивали виски, наблюдая за картёжниками. За стойкой полулежала фигура пропойцы. Несколько пар глаз уставились на Алексис, стоило той появиться на пороге. Поморщившись, она прошла к стойке, за которой стоял высокий длинноволосый мужчина в выцветшей алой рубашке и бледно-голубом жилете. Отставив в сторону бутылку, он облокотился о стойку и осмотрел Алексис оценивающим взглядом.

– Чем могу помочь, милая? – фамильярно ухмыльнувшись, спросил он. – Хочу напомнить, что женщинам вход внутрь запрещён. – Он смерил её оценивающим взглядом. – Если только ты не хочешь устроиться здесь на работу.

– Мне нужен мистер МакРайан. – Алексис старалась не дышать глубоко, чувствуя, как от крепкого запаха мужских тел и табака у неё начинает резать глаза.

– Да ну? – натурально удивился рыжий за стойкой. – Позвольте поинтересоваться: зачем?

– Вас это не касается, – прохладно ответила Алексис, чувствуя, как поднимается раздражение. МакРайан! Кажется, она слишком высоко оценила этого джентльмена. Она выскажет ему всё, что думает, после того, как найдёт!

– Понял. – Бармен шутливо поднял руки вверх. – МакРайан! Эй, чёртов ирландец, за тобой пришли!

Алексис обернулась и встретилась глазами с мутным бледно-голубым взглядом. Искомый ирландец оказался совсем рядом, за соседним стулом. Он гипнотизировал стакан, стоявший перед ним, и с трудом от него отвлёкся.

– Вы кто? – сипло проговорил мужчина.

– Я – Алексис Коули, вы писали мне.

– Я?! – Незнакомец иронично скривил губы. – Простите, красавица, но вы явно не по адресу.

– Мистер МакРайан, – с нажимом произнесла Алексис, – вы написали, что ждёте меня. Вот, я здесь. Так будьте любезны оторваться от виски и выслушать меня!

– О! А леди-то с норовом! – одобрительно проговорил бармен, перекидывая через плечо копну рыжих волос.

– Я буду ждать вас на улице, – процедила Алексис, разворачиваясь на каблуках и степенно выходя из салуна. Видит Бог, она мечтала бежать отсюда со всех ног, вот только бежать было некуда. И всё, что оставалось – замереть у выхода, неподалёку от раскрашенных девиц, надеясь, что упрямый ирландец выйдет. Она положила руки на перила, отполированные до блеска сотнями рук, и незаметно сжала ладони, глубоко вздохнув. Что-то шло не так. Неужели ей придётся возвращаться? Было бы куда... Алексис прикусила щёку, загоняя вглубь подсту-

пающую панику. Всё будет хорошо. Обязательно. Не для того она столько пережила, чтобы сейчас рыдать при первом же препятствии.

– Я всё ещё не понимаю, чем обязан вашему вниманию, – знакомый хриплый голос прозвучал над ухом, заставляя дёрнуться и отступить на шаг. МакРайан остановился в шаге от неё, облокотившись о столб, подпиравший балкон второго этажа. Алексис скользнула взглядом по его фигуре, едва сдержавшись, чтобы брезгливо не сморщиться. Вид мужчины можно было описать одним словом: помятый. Запылённые, заляпанные засохшей грязью по самые голенища сапоги, мятая одежда неопределённого цвета, щетина и всклокоченные густые волосы и в довершение ко всему оценивающий взгляд бледно-голубых глаз. МакРайан понимающе усмехнулся и полез в карман.

– Я получила от вас письмо, – начала Алексис, стараясь сохранять невозмутимый вид, замечая краем глаза, как на её собеседника откровенно смотрят продажные девицы у входа. – Приглашение работать.

– Дорогуша, я точно не высылал вам никаких писем, – покачал головой МакРайан. Его лицо прояснилось, и он извлёк на свет короткий огрызок сигары, с наслаждением его прикуривая и выпуская сизый дым. – Вы ошиблись, – коротко констатировал он, пожав плечами. – Мне очень жаль. Поезжайте домой.

– Но я добиралась сюда три недели! – в отчаянии выкрикнула Алексис, сжимая кулаки.

– Сожалею, – равнодушно бросил он, поворачиваясь к девушкам. – Леди, не можете ли мне спустить пару баксов? – Он сделал было шаг к ним навстречу, когда до слуха долетело еле слышное:

– Я надеялась устроиться у вас учительницей...

– Учительницей? – Обернувшись через плечо, МакРайан постарался сосредоточить взгляд на девушке. – Так что же вы сразу не сказали?! Вам не ко мне, дорогуша. Вам к моему брату.

И, обняв проститутку за талию, он пошёл в салун.

– А где мне его искать?! – в отчаянии выкрикнула Алексис.

– В церкви! – крикнул МакРайан через плечо.

Возмущённо выдохнув, Алексис поспешила к своим вещам. Значит, это был не учтивый пастор, писавший ей! Да и вообще, как она могла подумать, что святой отец будет сидеть в салуне, попивая виски?! Видно, не зря Алексис так часто слушала причитания родни о том, что на Западе всё не так. Что здесь только пьют, не выпускают из рук оружие и убивают друг друга. Подумать только – искать священника в салуне! Да ты совсем ума лишилась, миссис Коули!

Ободряя себя подобным образом, она вернулась к телеграфу, у которого продолжали лежать её вещи. Ораст кивнул из окна, подходя ближе.

– Ну как, нашли МакРайана? – Его выпученные рыбы глаза излучали любопытство.

– Не того, – улыбнулась Алексис. После тяжёлого разговора и облегчения оттого, что ей не придётся иметь дела с тем возмутительным типом, хотелось танцевать. – Мне нужен отец МакРайан.

– О, священник? – Ораст одобритительно посмотрел на неё. – Так что же вы сразу не сказали! Церковь стоит во-он там, – он указал на дальний конец улицы, застроенной с двух сторон одно- и двухэтажными домами. Далеко впереди, за городом, небо подпирала величественная гора.

Вдоль домов тянулась дощатая мостовая, а сама дорога, раскатанная колёсами повозок и растоптанная копытами коней, представляла собой засохшее месиво, которое сейчас как раз пересекал одинокий облезлый кот. «Как МакРайан», – подумалось Алексис, и она весело фыркнула.

– Боюсь, мне придётся попросить вас... – начала было она, но Ораст перебил:

– Я, конечно же, прослежу за вашими вещами, миссис Коули. Не переживайте!

Благодарно кивнув, Алексис в очередной раз пустилась в путь, теперь в противоположную от салуна сторону. С каждым шагом радостное настроение рассеивалось – она чувствовала на себе взгляды. Заинтересованные, оценивающие. Казалось, весь город выглядывает из окон, чтобы посмотреть на неё, новую жительницу Колорадо-Спрингс. Гордо подняв голову, Алексис представила, что идёт по залу, а по бокам застыли гости дома, приехавшие на её бал, и сразу почувствовала себя увереннее.

Улица кончилась, пришлось остановиться и оглянуться. Церковь обнаружилась в стороне от города. Небольшое деревянное здание, выкрашенное в белый цвет, стояло на опушке редкого леса. К церкви вела добротная деревянная дорога, справа от которой виднелась колея для всадников.

Алексис вдруг оробела. Она медленно пошла вперёд, делая вид, что разглядывает окружающий пейзаж, а на самом деле с трудом переставляя ноги. Весь запал, с которым она собиралась говорить с написавшим ей письмо священником, выплеснулся на другого МакРайана, и теперь Алексис радовалась, что не сняла перчатки, чувствуя, как становятся мокрыми ладони, а по спине струится липкий пот. А вдруг она не подойдёт?

К закрытым дверям вели три пологие ступеньки. Алексис медленно поднялась по ним и толкнула дверь, заглядывая внутрь. В церкви было прохладно и тихо, на пустых скамейках лежали аккуратно разложенные Библии.

– Мистер МакРайан? – Алексис прошла по проходу к алтарю и прислушалась. Церковь была пуста. Что за неугомонные братья? Так и будет до вечера за ними гоняться? Тяжело вздохнув, Алексис присела на лавку и обратила свой взгляд к распятию, висевшему на дальней стене над алтарём. Печальный лик Спасителя сочувственно взирал на неё, даруя поддержку и умиротворение. Пршептав короткую молитву и торопливо перекрестившись, Алексис вышла из церкви, оглядываясь.

Впереди лежал город, за спиной – лес и горы. Алексис обошла церковь и увидела небольшой домик, притулившийся к задней стене. Невдалеке виднелись амбар и конюшня, наполовину скрытая зарослями жимолости. Пока Алексис раздумывала, где может быть отец МакРайан, в конюшне послышалось громкое ржание, и почти сразу же в проходе показался высокий мужчина.

– Мистер МакРайан? – с надеждой окликнула Алексис и поспешила к нему. Но остановилась на полпути, с ужасом глядя на руки, оказавшиеся по локоть в крови. Мужчина как раз вытирал их засаленной тряпкой, шурясь на солнце.

– Простите, мэм, но служба будет вечером. А если вы пришли исповедаться, то прошу подождать – у меня только что родилась кобыла.

– Я Алексис Коули, – собравшись с духом, ответила Алекс. – Я приехала по вашему приглашению. Учительница.

– Учительница? – весело воскликнул священник. – Ну, наконец-то! Колум МакРайан. – Он протянул руку, и Алексис, покосившись на бурые разводы и мысленно отправив перчатки в стирку, её пожала. – Простите, что не встретил – обычно дилижанс задерживается на несколько часов, я думал, что успею разобраться с делами.

– Ничего страшного, – улыбнулась Алексис. Искреннее сожаление священника развеяло всё раздражение.

– Не так вы думали начать своё знакомство с нашим городом, а, миссис Коули? – Он весело подмигнул.

– Это точно! – со смехом ответила Алексис.

– Что ж, думаю, самое время вспомнить о манерах. Пойдёмте в дом, я угощу вас кофе, и вы расскажете, как добрались.

– Мои вещи! – испуганно ахнула Алексис, вспомнив об оставленном на улице багаже. – Я оставила их на телеграфе и...

– Не волнуйтесь. Ораст за ним приглядит, – успокоил её Колум. – К тому же надо подумать, куда вам заселиться, прежде чем найдём постоянный дом. Выпейте кофе, Алексис. Он всегда помогает решать все проблемы.

По дороге Колум вкратце рассказал, что прежняя учительница вышла замуж и уехала в Техас и местная ребятня оказалась предоставлена сама себе.

– И сколько времени они не учатся? – поинтересовалась Алексис.

– Почти год, – вздохнул Колум, оглянув церковь и направляясь к длинному приземистому строению. – Мало кто хочет ехать в нашу глушь.

– Мне кажется, здесь все городки похожи один на другой. Я их столько в пути повидала! – покачала головой Алексис и пристыженно замолчала, встречая острый взгляд синих глаз.

– Знаете, здесь, конечно, нет библиотеки и театра, а жителей так мало, что все про всех всё знают, но именно здешние люди – самые настоящие из всех, что я видел. – Он отвернулся и продолжил путь. Не решаясь продолжить разговор, Алексис поспешила следом, разглядывая шагавшую впереди фигуру.

Он был высоким и... не старым. Отчего она решила, что Колум МакРайан непременно окажется почтенным старцем? Тёмно-русые волосы были коротко острижены и слегка завивались на концах. Загорелую шею наполовину скрывал воротник простой холщовой рубашки, а подвёрнутые рукава открывали крепкие мускулистые руки. Сразу видно – отец Колум не только проповеди горазд читать.

Алексис шла следом за священником, думая, что этот день явно станет одним из самых странных и волнительных за всю её жизнь.

Комментарий к Глава 1

*Шаривари – Шаривари, вероятно, является одним из наиболее раздражающих свадебных обычаев, о которых когда-либо было известно. Само слово означает "серенада молодоженам, сыгранная кастрюлями, чайниками и т.д.". Она была так же плоха в реальности, как и звучала, однако, к счастью, эта народная традиция, которая достигла своего апогея в 19 веке, впала в немилость.

В первую брачную ночь пары, друзья, члены семьи и другие свадебные гости собирались вокруг дома молодоженов и создавали как можно больше неприятного шума. Они стучали в кастрюли, фальшиво пели и делали все возможное для того, чтобы помешать паре.

Это, безусловно, нехорошо, пытаться испортить чью-то брачную ночь, однако, исторические данные свидетельствуют о том, что "раздражители" часто становились вандалами. В одном из случаев, произошедших в 1910 году, группа мужчин (сподвижников отца невесты) настаивала на том, чтобы каждый из них поцеловал невесту, а затем еще и требовали денег за то, чтобы не мешать им во время первой брачной ночи. Однако получив деньги, они все-таки «спели» ночную серенаду, чем заставили молодых отложить медовый месяц.

=====**Глава 2**=====

Солнце нещадно палило, не забывая напоминать, что сейчас самый разгар лета. Дорожка огибала церковь, за которой примостился маленький домик, сложенный из свежих бревён. Распахнув дверь, отец МакРайан посторонился, пропуская Алексис вперёд. Внутри пахло прогретым на солнце деревом и сухим, пыльным ароматом луговых трав, стоявших в кружке у окна.

– Здесь всё просто, но очень удобно, – словно извиняясь за скудную обстановку, произнёс отец Колум, подходя к плите. Железная печь слабо тлела, сверху стоял медный кофейник, и МакРайан, потрогав его рукой, удовлетворённо кивнул.

Алексис прошлась по дому, останавливаясь посередине комнаты. Кровать за тёмно-синей шторой, небольшой камин, две керосиновые лампы на нём, добротный сколоченный стол и три стула, сундук в углу, над ним – сутана. Разглядывать больше было нечего. У двери стояло ружьё, небрежно прислонённое к стене.

– Присаживайтесь, – бросил через плечо отец Колум, разливая дымящийся кофе по жестяным кружкам. Алексис осторожно опустилась на стул, провела ладонями по столу, покрытому сетью порезов от ножа.

– Давно вы здесь живёте, отец МакРайан?

– Два года, – бросил Колум, не оборачиваясь. Он взял железную банку, доставая из неё печенье. Положил на шербающую тарелку, подхватил кружки и подошёл к столу. – Угощайтесь. Прихожане часто приносят домашнюю еду – всё мечтают откормить одинокого священника. – Он беззлобно усмехнулся, и из уголков бледно-голубых глаз разбежалась сеть тонких морщинок.

– А как вы оказались здесь, миссис Коули? – Опустившись на стул напротив, Колум осторожно отхлебнул кофе и посмотрел на собеседницу поверх кружки.

– Решила начать жизнь с чистого листа, – пожал плечами Алексис, делая глоток. Кофе оказался крепким и пережаренным. Она мужественно проглотила его и отставила кружку в сторону. – Муж погиб на войне, и мне пришлось искать способы выжить. Я много работала, сменила немало домов – гувернантки для северянок, что приехали жить на Юг, считаются выгодным вложением денег, – с горечью добавила Алексис.

– Ваш акцент слишком мягок для уроженки Севера, – пронизательно заметил Колум. – Вы ведь южанка, не так ли?

– Вирджиния, – Алексис кивнула, не считая необходимым это скрывать. – Здесь это может стать проблемой?

– Я думаю, вы неспроста выбрали место для новой жизни, – усмехнулся Колум. – Здесь большинству абсолютно всё равно, откуда вы и кем были раньше.

– А вам?

– Я воевал за янки, если вы спрашивали об этом, – пришла очередь МакРайана пожимать плечами. – Но это не было связано с моими политическими предпочтениями. Скорее, с желанием заработать.

– Священники тоже могут сражаться наравне с обычными солдатами? – Алексис удивлённо посмотрела на Колума.

– Я ведь не всю жизнь был священником, – хитро улыбнулся Колум. – Смотрю, мой кофе пришёлся вам не по душе, – он указал глазами на кружку. – Мне многие говорят, что я совершенно не умею его варить.

– Признаться, да, он отвратителен. – Алексис виновато посмотрела на Колума и с трудом сдержала зевок.

– Простите! – Колум покаянно склонил голову. – Я сижу и выспрашиваю вас о жизни, вместо того чтобы помочь устроиться! Совершенно забыл, что вы провели в дороге не один день.

– Не стоит извиняться, – произнесла Алексис, поднимаясь. – Но вы должны рассказать, почему у пастора, который является духовником целого города, такой возмутительный брат.

– Вы успели познакомиться с Киллианом? – Колум замер на пороге.

– Поначалу меня отправили к нему, я ведь не знала, что МакРайанов в Колорадо-Спрингс двое, – со смехом ответила Алексис. Они неспешно направились в город, миновав церковь и выйдя на широкий луг, наполненный жужжанием пчёл и стрёкотом цикад.

– У него довольно-таки тяжёлая судьба, – после непродолжительного молчания ответил Колум.

– Как и у всех нас, – небрежно заметила Алексис. Наглая ухмылка Киллиана всё ещё стояла перед глазами.

– Не судите, и не судимы будете, – сухо ответил Колум, и Алексис удивлённо покосилась на него – было заметно, что разговоры о брате вызывают неприязнь.

– Давайте сменим тему, – предложила Алексис. – Может, вы расскажете мне о городе? О том, что меня здесь ждёт?

– Спасибо, – благодарно кивнул Колум. – Отмечу, что вы совершенно не прогадали, выбрав Колорадо-Спрингс. Городу всего три года*, но он очень быстро растёт, и новые люди прибывают каждую неделю. Говорят, что вскоре сюда проложат железную дорогу, но часть горожан против.

– Против?

– Да, они утверждают, что это разрушит уникальную природу и в город хлынут толпы отдыхающих. Начнётся хаос, участятся кражи – у нас до сих пор нет шерифа. А ещё строительство железной дороги означает проблемы с индейцами – им придётся уйти.

– Здесь поблизости водятся индейцы?

– В основном навахо, – кивнул Колум. – Многие из них приняли нашу веру, мирно живут в резервации к югу от Пайкс-Пик, – он кивнул на гору, синевшую вдаль. – Но год назад в наших краях появились шайенны. И вот их, а особенно их Воинов-Псов, надо опасаться. Они не нападают на город – в трёх милях от нас расположен форт с сотней солдат. Но к караванам и одиноким путникам беспощадны.

– Я слышала, они снимают скальпы с живых людей? – с дрожью в голосе спросила Алексис.

– Это правда, – серьёзно ответил Колум. – Но я прошу вас, не стоит беспокоиться. Армия защищает нас. А навахо всеми силами пытаются сдержать их пыл: они понимают, что непрерывная резня будет означать новую кровопролитную войну. А индейцы и так лишились всего, что им дорого.

– Это печально и страшно, – вздохнула Алексис, подумав, что в чём-то может понять дикарей. Когда у тебя отбирают всё, что дорого, кроме ненависти к захватчикам, не остаётся ничего.

Тем временем они вошли в город, и отец Колум то и дело кивал, встречая прихожан. Хэнк Ораст, улыбаясь, вышел из телеграфа, с чувством пожимая руку священнику.

– Как я рад, что миссис Коули нашла вас! – Он доверительно понизил голос и добавил: – Если честно, когда она сказала, что ищет МакРайана, я поначалу решил, что Киллиан наконец решил остепениться и выписал себе жену...

– Не будем об этом сейчас, – мягко перебил его Колум. – Миссис Коули надо определить на постой, она устала с дороги. Я схожу к Фрэнку, сниму у него комнату. Вы подождёте меня? – обратился он к Алексис. Та кивнула, вздохнув про себя – начала сказываться усталость

и напряжение от долгого, насыщенного событиями дня. К тому же последний раз она ела вчера, в крохотном поселении, стоящем на пути следования дилижансов.

– А давайте я угощу вас кофе? – словно прочитав её мысли, Ораст пригласил Алексиса внутрь, усадив на лавочку.

– Спасибо, кофе я сегодня уже пила, – вежливо улыбнулась Алексис.

– О, представляю. О кофе отца Колума ходят легенды, – добродушно усмехнулся Ораст, прищурив выпуклые рыбы глаза. – У меня есть приличный кофе из кафе и кусок пирога, если вы не против разделить его со мной.

– Если это не слишком вас стеснит, – начала было Алексис, но Ораст уже нёс из комнатки за стойкой телеграфа поднос. Водрузив его на лавку, он протянул Алексиса большую кружку и подвинул тарелку с пирогом.

– Не буду вам мешать, – тактично проговорил Ораст и вышел на улицу.

Колум пересёк улицу и зашёл в салун.

– Преподобный? – Хозяин салуна, казалось, за это время не сдвинулся с места ни на дюйм, всё так же неспешно продолжая натирать стаканы. – Сегодня просто день неожиданных посещений! Чем обязан?

– У тебя есть свободные комнаты?

– А что, решили попробовать моих девочек?

– Я говорю про номера для постояльцев, Фрэнк. – Колум облокотился на стойку, склонившись к Фрэнку. – К нам приехала учительница, надо разместить её на время, пока мы не найдём подходящее жильё. Номер должен быть приличный и с отдельным входом.

– Да вы никак разбогатели, падрэ, – усмехнулся Фрэнк. – Или в вашей кружке для пожертвований собралось слишком много лишних денег?

– Сколько?

– Доллар за ночь. – Фрэнк явно заломил цену, но Колум понимал, что сегодня разместить учительницу лучше уже не получится. Он, к стыду своему, совершенно забыл про то, что она писала. И если утром оплошность с тем, что её никто не встретил, сгладила кобыла, то с жильём само собой решиться ничего не могло.

– Я заплачу за две ночи, – спокойно ответил Колум, отсчитывая деньги. – А ты пришли кого-нибудь к Орасту, чтобы забрали вещи и отвели миссис Коули в номер.

– Как скажете, святой отец, – лениво улыбнулся Фрэнк, пригладив волнистые волосы. – Я могу и сам проводить новую учительницу.

– Фрэнк, – предостерегающе проговорил Колум. Тот поднял руки вверх, и улыбка его стала ещё шире.

– Только проводить, падрэ. Я умею отличить продажную девку от леди.

Фрэнк вышел из-за стойки, крикнув одной из девочек занять его место, а Колум тяжело вздохнул, провёл ладонью по лицу и оглянулся. Если Киллиан был здесь пару часов назад, навряд ли он уже уехал. Им давно стоило поговорить, и если бы младший брат так отчаянно не избегал встречи, проблем у них было бы гораздо меньше. Спросив у девушки за стойкой, здесь ли Киллиан и получив утвердительный ответ, Колум опустил на стул и принялся ждать. Можно было оставить его самому себе, позволить дальше катиться в пропасть, на дне которой ждут лишь острые камни. Но Колум не мог. Он обещал приглядывать за братом. Обещал матери, и поэтому, как бы иногда ни хотелось плюнуть на всё, старался изо всех сил держать слово.

***

1847 г., Ирландия, графство Мейо

Пронизывающий ветер пробирал до костей, сбивал с ног, разрывая в клочья туман с торфяных болот. По тропинке между каменистых склонов осторожно пробирались двое. Первый, высокий юноша, внимательно всматривался в очертания крохотной деревушки впереди,

то и дело прикрывая от ветра рукой непрерывно слезящиеся глаза. Второй, на полторы головы ниже, бережно прижимал к груди нечто, завёрнутое в мешковину. Оба были невероятно худы: впавшие щёки, запавшие глаза, острые колени и локти – Картофельный голод** был в самом разгаре.

Тяжёлая зима унесла с собой жизни большей части деревни, ютившейся на северо-западе графства. И сейчас опустевшие дома с распахнутыми дверьми выплывали из тумана, который здесь, в низменности, не мог прогнать даже сильный ветер с равнин.

Путники почти дошли до первого дома на окраине, когда впереди послышался звук, которого они так боялись всю дорогу – топот копыт. Застыв посреди дороги от ужаса, мальчик, державший в руках свёрток, беспомощно смотрел на старшего брата.

– Всё в порядке, – процедил тот, напряжённо всматриваясь в туман. – Отойдём в сторону, они проедут мимо.

– А если они потребуют показать, что мы несём?

– Пусть только попробуют! – прищурился старший, доставая охотничий нож.

Всадники приближались, уже можно было различить отдельные голоса. Лендлорд, будто в насмешку, решил вспомнить о том, что ему принадлежат земли где-то в захолустье, на самом краю Ирландии. И после шумной зимы в Лондоне и недовольства, которое вызвало у королевы поведение благочестивого с виду джентльмена, граф Норфолк счёл за благо совет навестить свои ирландские владения. Ещё минута, и лошади выскочили из-за поворота безлюдной улицы, заставив братьев испуганно отшатнуться, вжимаясь в стену дома.

Всадники ехали мимо, не обращая внимания на оборванцев. Громко смеясь, они обсуждали предстоящую охоту, и их ярко-красные костюмы казались кровавыми пятнами, выплывавшими из тумана. Кавалькада почти миновала деревушку, когда свёрток в руках младшего извернулся и шлёпнулся на землю, упав прямо в лужу и подняв кучу брызг. В воде он ожил и начал яростно трепыхаться, поднимая шум. Кто-то из всадников окликнул Норфолка, и тот, заинтересовавшись, направил коня прямо к перепуганному мальчугану.

– Что там у тебя?

– Н-ничего, мой лорд, – спешно откликнулся младший брат, отчаянно наблюдая за разбушевавшимся свёртком.

– Это мальчишки МакРайана, ваша милость, – охотно пояснил один из гостей. – Который помер в том году. У него ещё жена и три дочери оста...

– Бога ради, МакКлири, оставьте свои истории тем, кому будет интересно это слушать, – оборвал говорившего Норфолк. – Меня больше интересует это. – И он указал стеком на свёрток, который, несмотря на постоянное трепыхание, был связан крепко и не спешил являть всем своё содержимое.

Один из лакеев тут же спрыгнул с лошади, доставая нож. Два коротких движения, и мешковина разошлась. Братья обречённо наблюдали за серебристыми боками двух лососей, которые, почуяв свободу, принялись сильнее молотить хвостами по воде.

– Вы ведь знаете, что ловля рыбы в графстве запрещена, не так ли? – нахмурился Норфолк, глядя сверху вниз на притихших мальчишек. Старший насупился, глядя исподлобья, младший же тоненько всхлипывал, размазывая слёзы по грязному лицу.

– Нам нечего есть, ваша милость, – ответил старший. – Мы поймали эту рыбу не для продажи, а чтобы накормить мать и троих сестёр.

– Понимаю, – сочувствующе кивнул Норфолк. – Как тебя зовут?

– Колум МакРайан, ваша светлость. – Граф не спешил наказывать их, и в голове Колума вспыхнула отчаянная надежда, что, может быть, сегодня им повезёт и они смогут нормально поесть.

– Послушай, Колум, ты ведь католик, так?

Колум кивнул, не понимая, куда клонит граф.

– Тогда ты должен знать о заповеди: «Не укради», – с притворным сочувствием продолжал Норфолк. – Разве могу я позволить тебе нарушить эту заповедь и гореть в аду?

– Нет, ваша светлость, – еле слышно ответил Колум.

– Правильно. Как истинный христианин, коим я являюсь, я не могу спокойно смотреть на то, как мои люди ступают на путь несправедливый. Заберите рыбу, – он обратился к слуге. Тот спешно принялся ловить извивающегося лосося, когда из мешка вынырнула небольшая форель, нырнув в мутную воду. – Впрочем, я не могу позволить вам умереть от голода, поэтому эту рыбёшку можете оставить себе.

Спустя минуту всадники уже продолжили путь, возобновив прерванный разговор. Слуга поспешил следом, неся двух крупных лососей в мешке. Колум злобно проводил их взглядом и повернулся к всхлипывающему брату.

– Успокойся, Киллиан. В следующий раз нам повезёт больше.

– В следующий раз нас убьют, если поймают! – выкрикнул тот, падая на колени и пытаясь поймать форель и завернуть её в разорванный мешок.

Колум не ответил. Голод, охвативший Ирландию и бушевавший уже третий год, уничтожил половину населения гордой страны. Погибший от болезней картофель, которым была засажена почти вся Ирландия, лишил людей не только еды, но и средств к существованию. Те, кто не мог заплатить лендлорду ренту, оказывались на улице, и целые деревни срывались с места в поисках лучшей доли. Говорили, ближе к Дублину давали работу на стройке железной дороги или в работных домах. Но семья МакРайан упорно оставалась в родных местах, там, где выросло не одно поколение, там, где лежал прах предков.

После смерти отца Колум не раз заводил с мамой разговор о том, что надо уходить. Через месяц надо было платить ренту, а денег не было. Но мать упорно держалась за крохотный клочок земли, неустанно приговаривая, что голод вечным быть не может. А земля – это корни, то, что делает их ирландцами, а не бездомными бродягами без роду. Вот только зима 1847 года уничтожила все надежды на урожай, а голод, и до этого призрачно маячивший над семьёй, стал осязаемым. Они не ели уже два дня; картофельные очистки, из которых мать варила похлёбку, вчера пришлось выбросить – они сгнили, и Анора, младшая из сестёр, слегла с дизентерией.

Озёра, реки – графство Майо кишело рыбой, но лов её запрещался без особого разрешения лендлорда. И братья МакРайан понимали, чем рискуют, уходя утром на рыбалку. Но по-другому попросту не могли. И вот теперь на ужин вместо двух крупных рыб, на которые вся семья могла прожить неделю, они принесут лишь крохотную форель, тощую после зимы.

– Пойдём, – вздохнул Колум, когда Киллиан увязал, наконец, рыбу в мешок. Тяжело вздохнув, брат поднялся с колен и пошёл за Колумом, низко опустив голову.

Через два дня Анора умерла. За ней последовали Агна и Дэрвин, подхватив ту же болезнь, что унесла жизнь младшей сестрёнки. Каели МакРайан держалась дольше всех, но братья подозревали, что мама не доживёт и до конца недели. Сейчас мысль о том, что не стоит есть похлёбку, чтобы оставить побольше сёстрам и маме, уже не казалась им такой верной. Но поделаться уже ничего было нельзя. Врач в их деревне был редким гостем, а лечебные травы давно пошли на чай и суп, вне зависимости от своего назначения. И теперь Каели МакРайан лежала на своей кровати, завёрнутая в цветастый шерстяной плед, и, болезненно морщась, смотрела на оставшихся в живых сыновей.

– Я была права. – Каели посмотрела на Колума, сидевшего по правую руку на кровати. – Мы должны были уходить. Не цепляться за землю, которая больше ничего не родит.

– Не надо, мам. – Колум кусал щёку, с болью глядя на крохотную, казавшуюся детской фигурку. Всего три года превратили Каели МакРайан из цветущей женщины, матери большого шумного семейства, в иссушенную голодом старуху.

– Что уж тут, – через силу усмехнулась Каели, – теперь говорить не о чем. Я умею признавать свои ошибки, даже лёжа на смертном одре.

Киллиан, сидевший слева, резко отвернулся, глотая слёзы.

– После моих похорон уходите, – твёрдо проговорила Каели, переводя взгляд с одного сына на другого. – Уходите, но помните, где ваши корни. Никогда не забывайте об этом. Вы – МакРайаны из Мейо, и этого ничто никогда не изменит.

– Никогда не изменит, – повторил за ней Колум. Киллиан кивнул.

– Я знаю, у вас всё получится. Вы сможете выбиться в люди и ещё заставите говорить о МакРайанах. А пока... – Каели судорожно вздохнула, проглотив ком в горле. – Заботьтесь друг о друге. Ты слышишь меня, Колум? Заботься о брате. Обещай, что не бросишь его, никогда не бросишь.

Колум сумрачно молчал. Ещё вчера он решил, что уйдёт в «Молодую Ирландию», партию, образованную недавно. Неделю назад мимо деревни прошли несколько мужчин, направлявшихся в Баллингари, где, по слухам, собирались основные силы движения. Тогда он не задумался об этом, но теперь мысли о том, чтобы бороться за независимость Ирландии, казались правильными.

– Колум МакРайли! – голос Каели окреп, в нём послышались властные нотки, что столько лет приводили в трепет отца, семью и всю округу. – Обещай, что ты не оставишь своего брата. Что будешь присматривать за ним. А он, – быстрый взгляд на Киллиана, – за тобой.

– Обещаю, – обречённо выдохнул Колум, послушно целуя крест, протянутый иссохшей рукой.

К утру Каели МакРайан не стало, а на следующий день братья уже шли по дороге в сторону Баллингари.

Комментарий к Глава 2

*Колорадо-Спрингс был основан в 1871 году, на три года позже описываемых событий. Авторское допущение – поместить героев в город на три года раньше.

**Если причиной межнациональных разногласий можно считать одно событие, то источник ненависти ирландцев ко всему британскому скрывается за событием, именуемым Великим Картофельным голодом, поразившим эту небольшую изумрудную страну в 1845 г. и продолжавшимся пять лет – до 1850 г. За это время население страны уменьшилось на четверть: 1 029 552 человека умерли от голода, цинги, сыпного и брюшного тифа и 1 180 409 человек эмигрировали, большей частью в Америку. Так были посеяны семена глубочайшей ненависти, которые потом переросли в кровавые бунты.

===== Глава 3 =====

Номера салуна «Рыжий пёс» находились на втором этаже, и попасть туда можно было двумя путями – непосредственно через сам салун и по лестнице, выходящей в узкий проулок. Именно туда и повёл Фрэнк уставшую Алексис, легко подхватив пару её саквояжей.

– Вы будете первой гостьей подобного калибра в «Рыжем псе», – довольно говорил Фрэнк, встряхивая головой, как породистый жеребец, чтобы отбросить кудрявую гриву, падавшую на лицо. – Обычно у меня останавливаются ковбои, выгодно перегнавшие скот. В остальное время номера пустуют.

– А где же ночуют остальные, если решают проехать через город? – поинтересовалась Алексис, двумя руками вцепившись в тяжёлый саквояж и пытаясь одновременно придержать платье, чтобы не споткнуться.

– В палатках и фургонах за городом, где же ещё! – фыркнул Фрэнк и поставил чемоданы у подножия лестницы. – Я сейчас помогу вам, а потом вернусь и принесу третий. За чемоданами придётся послать парней. Это будет стоить вам десять центов. – Он выразительно посмотрел на притихшую девушку.

– О, конечно! – засуетилась она, доставая ридикюль.

– Не здесь же, милочка! – добродушно усмехнулся Фрэнк. Подхватив саквояжи, он принялся подниматься, вынуждая Алексис следовать за ним. – Я бы не советовал вам показывать, что у вас есть деньги. Народ у нас простой, но швали полно.

«Если бы они у меня были!» – горько подумала Алексис, тяжело пыхтя со своей ношей. Платье прилипло к и без того влажной спине, по вискам струился пот. Конечно, о ванне здесь мечтать не стоит, но, может, удастся хотя бы обтереться влажной тканью? И переодеться в чистое. И полежать, наконец, на нормальной кровати, без тряски и взглядов попутчиков... Размечтавшись, Алексис чуть не врезалась в спину Фрэнка, остановившегося у одной из шести одинаковых дверей, выходящих на открытую террасу.

Пока хозяин салуна возился с замком, она огляделась, заметив внизу через дорогу телеграф Ораста и магазин бакалейщика в нескольких ярдах от него. Стоило бы зайти, познакомиться. Уж кто-кто, а бакалейщик точно знает всех людей в городе.

Между тем дверь распахнулась, Фрэнк внёс саквояжи и поставил их у входа, в ожидании глядя на Алексис.

– Деньги, – напомнил он, поняв, что та напрочь забыла про оплату носильщикам. Схватившись, она достала две монеты и вложила их в узкую ладонь.

– Спасибо вам, – пробормотала она, внезапно смутившись от осознания, что в полумраке тесной комнаты они одни и что этот мужчина стоит неприлично близко.

– Слуг, как вы понимаете, у нас здесь нет, – хмыкнул Фрэнк, – но я попрошу кого-нибудь из девочек принести вам ужин. Не в общем же зале вам сидеть.

– С-спасибо, – севшим голосом ответила Алексис, чувствуя, что сил протестовать у неё совершенно не осталось. Узнала бы няня, что она будет жить в салуне и принимать помощь от продажных девиц! Благодарение Богу, что она не дожила до этого дня.

Когда последний сундук занял своё место в крохотной комнатке, Алексис наконец смогла выдохнуть и как следует осмотреться. Неприятная обстановка была ещё проще, чем в доме у отца МакРайана. Стены покрашены светло-коричневой краской, на единственном окне, расположенном напротив двери, ставни-жалюзи, пол из тёмных досок хотя бы относительно чистый. Узкая кровать с продавленным матрасом покрыта цветастым лоскутным одеялом. Небольшая тумбочка у кровати, на ней керосиновая лампа.

Устало опустившись на сундук, Алексис почувствовала, как на глазах вскипают слёзы – всё это так разительно отличалось от картины, что она представляла себе, когда ехала сюда! Пересекая половину континента, трясясь в поезде, а потом в дилижансе несколько недель...

Внизу раздался взрыв смеха, и донеслись звуки пианино – вечер в салуне только начинался. В животе громко заурчало, и Алексис всё-таки всхлипнула, прикусив губу. Такой одинокой и потерянной она не чувствовала себя, кажется, никогда. А ведь было время, когда казалось, что хуже уже быть не может... Глаза отчаянно слипались, но, рассмотрев кровать ближе, Алексис засомневалась, можно ли на неё ложиться. Пятна, покрывавшие одеяло, вызывали сомнение в том, что его стирали хотя бы раз. Порывшись в сундуке, девушка достала шерстяную шаль до пола, завернулась в неё, как в кокон, и осторожно прилегла на край кровати. Матрас обиженно скрипнул, от подушки поднялось облачко пыли. Оглушительно чихнув, Алексис зарылась с носом в мягкую шерсть, слабо пахнущую лавандой, и сама не заметила, как провалилась в сон.

За окном уже стемнело, когда она проснулась и некоторое время пыталась понять, где находится. Внизу громко играла музыка, изредка её перекрывали крики и визгливый смех. В дверь постучали. Опасливо подойдя к двери, Алексис спросила:

– Кто там?

– Я принесла вам поесть, мэм, – послышался бодрый девичий голос. Приоткрыв дверь, Алексис разглядела невысокую тонкую фигурку с подносом и поспешно отступила, пропуская девушку внутрь.

– У вас здесь темновато, – заметила та, с трудом разглядев сундук и водрузив туда поднос. Завозившись со спичками, Алексис зажгла лампу и наконец смогла разглядеть девушку. Она оказалась очень молодой, едва ли есть семнадцать. Ещё по-детски круглые щёки, ярко-голубые глаза и светло-русые завитые волосы, даже с виду мягкие и пушистые. В причёску девушка их не собирала, они рассыпались по плечам и груди, целомудренно прикрыв низкий вырез голубой рубашки. Алексис вспыхнула, поняв, что разглядывает незнакомку слишком уж пристально. Впрочем, та не отставала, не отрывая заинтересованного взгляда.

– Меня зовут Кайла, – наконец представилась девушка.

– Алексис Коули. – Не зная, о чём можно говорить с подобными созданиями, Алексис неловко замолчала.

– Фрэнк просил передать, чтобы вы не спускались по нужде ночью, – смущённо ответила Кайла. Казалось, что ей находиться в одной комнате с миссис Коули было так же непривычно. – Отхожее место для м-м... дам находится внизу, на заднем дворе. Но сейчас туда лучше не соваться. Если что, у вас есть ночной горшок. А содержимое выльете поутру, когда все разойдутся.

Алексис молча кивнула, чувствуя, как щёки медленно заливает краска. Спрашивать у Кайлы о воде для умывания она не стала – ясно же, что сейчас никто её не принесёт. Но девушка развеяла её опасения, вернувшись к более насущной теме для обсуждения.

– Здесь бифштекс и бобы, а также питьевая вода. – Она кивнула на поднос. – А ещё вода для умывания, – взгляд на кувшин. – И ещё, – Кайла развернулась, собираясь уходить, но остановилась на пороге, – закройте дверь на засов. Там внизу ковбой празднуют удачный перегон, а когда напьются, могут и не различить, где благородная миссис, а где продажная девица.

– Сколько вам лет? – вырвалось у Алексис, прежде чем она успела подумать об уместности подобного вопроса.

– Двадцать два, – улыбнулась Кайла и кокетливо повела плечом. – Мужчинам нравится показная невинность.

– О, – только и смогла сказать Алексис, с трудом сдерживая себя, чтобы не засыпать девушку вопросами. К тому же та явно не горела желанием рассказывать о себе. Или просто спешила вниз, стремясь заработать побольше денег этой ночью.

Кайла ушла, и Алексис тут же бросилась к двери, задвинув засов. Потом подумала и для надёжности придвинула ещё и сундук, сразу почувствовав себя увереннее. И только тогда осмелилась расстегнуть пуговицы под горлом, распахнув воротник дорожного платья. Потом смочила платок в воде и с наслаждением обтёрла шею и лицо. Конечно, полноценное купание подобные обтирания заменить не могли, но дарили хоть какое-то облегчение. Приведя себя в порядок и оставив немного воды на утро, Алексис поужинала, признав, что мясо было не так уж и плохо. По крайней мере, не напоминало подошву сапога, как было на последнем постоялом дворе, где останавливался дилижанс. Утолив голод, она снова завернулась в шаль и, не раздеваясь, легла, настороженно прислушиваясь к шуму внизу. Хохот, крики, звон отодвигаемой мебели и весёлый мотив, наигрываемый на пианино – Алексис не смогла сомкнуть глаза до рассвета, вздрагивая и прислушиваясь к голосам, звучащим под окном. Несколько раз слышались шаги на лестнице, и сердце замирало от страха, но ломиться в дверь никто не пытался. Только когда небо стало сереть, а жизнь в салуне – затихать, Алексис смогла забыться беспокойным сном.

Солнце ещё не показалось из-за вершины Пайкс-Пик, когда Алексис, крадучись, вышла из комнаты и, осторожно держа в руках ночной горшок, быстро спустилась вниз. Задний двор салуна был пуст. По вытопанной, потрескавшейся земле важно расхаживала курица, то и дело останавливаясь над очередной чудом уцелевшей былинкой. У двери в салун стояло несколько бочек, дальше – дровяной сарай, а следом искомые домики. Какой из них для мужчин, а какой – для женщин, угадать было сложно, поэтому Алексис быстро распахнула первую дверь, морщась от запаха, и вылила содержимое. О чистоте здесь точно никто не заботился.

Вернувшись к себе, Алексис собралась было дождаться МакРайана, но поняла, что просидеть здесь целый день не сможет. А потому, приведя себя в порядок, вышла, радуясь, что платье не слишком помялось и ещё выглядит вполне прилично. Внизу, прямо под ногами, послышались знакомые голоса, и Алексис замерла с ключом в руке. Один из голосов принадлежал отцу МакРайану, а во втором она узнала его брата. Слов было не разобрать – братья говорили на языке, отдалённо напоминавшем английский, но состоящем, казалось, из сплошных шипящих.

– Хорошо! – наконец воскликнул раздражённый Киллиан, и Алексис вжалась в дверь, будто её могли увидеть. Но ничего не происходило, внизу было тихо, и, решившись, она спустилась вниз, чтобы буквально столкнуться с младшим МакРайаном лицом к лицу. Он выглядел так же помято, но глаза уже не казались такими мутными и смотрели ясно и оценивающе.

– Миссис Коули. – Киллиан приподнял двумя пальцами несуществующую шляпу, обдав Алексис устойчивым запахом виски.

– Мистер МакРайан, – сухо кивнула она, собираясь его обойти.

– Постойте!

Алексис обернулась, удивлённо глядя на него.

– Я хотел извиниться за своё вчерашнее поведение. Я вёл себя недопустимо по отношению к такой уважаемой мисс, которой вы, наверняка, являетесь. – Его нахальный взгляд оценивающе прошёлся по её фигуре, поднимая волну раздражения. Не удержавшись, Алексис поморщилась.

– Вы всегда грубите незнакомым женщинам, мистер МакРайан?

– Нет, только хорошеньким, – лениво улыбнулся Киллиан, продолжая разглядывать её. Светлые волосы уложены в строгий гладкий пучок, платье застёгнуто на все пуговицы – Алексис Коули олицетворяла собой само благочестие и неприступность.

– Всего вам хорошего, мистер МакРайан, – боясь, как бы не наговорить ничего лишнего, Алексис собралась уходить.

– Скажите преподобному, что я извинился! – весело крикнул Киллиан вслед, но Алексис только дёрнула плечами, не собираясь отвечать.

– О, миссис Коули! – Навстречу уже спешил отец Колум, широко улыбаясь. Улыбнувшись ему в ответ, Алексис оглянулась – его брата уже и след простыл. – Надеюсь, вам хорошо спалось?

– Не так хорошо, как хотелось бы, – ответила Алексис, – но всё же лучше, чем на ходу в дилижансе.

– Я отведу вас выпить кофе и позавтракать, вы наверняка голодны. – Отец МакРайан кивнул проходящему мимо мужчине и перевёл Алексис через улицу.

Городок оживал. По пустынной улице проехала телега, гружённая мешками. У входа в бакалейную лавку хозяин неспешно подметал деревянный настил, насвистывая веселую мелодию. Рядом с лавкой брадобрея, на скамье, уже сидели двое мужчин, ожидая открытия. Несколько столиков под открытым небом, укрытые клетчатými скатертями, приятно удивили Алексис, приготовившуюся к очередному заведению, где не на что присесть, не боясь испачкаться. Стоило им занять столик, как из дома вышла невысокая негритянка, держа в руках дымящийся кофейник.

– Отец МакРайан, вы сегодня рано. – Она с интересом посмотрела на Алексис.

– Эмма, позволь представить тебе миссис Алексис Коули, нашу новую учительницу. Алексис, это Эмма Смит, хозяйка единственного заведения, где можно прилично поесть.

– Очень приятно, – улыбнулась Алексис, разглядывая женщину в накрахмаленном синем переднике. После войны сотни тысяч бывших рабов остались не только без дома, но и без средств к существованию и практически без прав. «Чёрные кодексы»* не просто ограничили негров в правах, они фактически заставили их добровольно идти в рабство, поэтому бегство на Запад стало массовым. По пути в Колорадо-Спрингс Алексис наслушалась историй о чернокожих ковбоях, но встретить посреди города негритянку, которая владеет собственным кафе, было всё же странно.

– На завтрак могу предложить яичницу с беконом и яблочный пирог, – белозубо улыбнулась Эмма. Алексис кивнула, чувствуя, как от одних только названий в желудке всё сжимается от предвкушения.

– Эмма появилась в Колорадо год назад, – ответил Колум, заметив взгляд, которым Алексис проводила её. – Поначалу её мало кто принимал. Были и те, кто пытался поджечь кафе и заставить её убраться из города. Но Эмма – стойкий солдат, она отстаивала своё право считаться жителем Колорадо Спрингс, и теперь её кафе – лучшее на несколько десятков миль. Правда, оно же и единственное, – усмехнулся Колум при виде недоверчивого выражения лица собеседницы. – Она отличный человек, миссис Коули. Здесь, на фронтире**, вы встретите немало подобных людей – отчаявшихся, потерявших всё и нашедших себя в новых землях.

– А ведь у меня есть чем вас порадовать, – воодушевлённо начал Колум, когда яичница осталась позади и пришла пора отдать должное пирогу, источавшему великолепный аромат печёных яблок. – Думаю, сегодня вы уже сможете переехать из «Рыжего пса».

– Правда? – воскликнула Алексис так живо, что Колум понимающе улыбнулся.

– Конечно, не дело было оставлять вас там на ночь, но это действительно единственное заведение, где сдаются комнаты внаём.

– Не извиняйтесь, – мягко ответила Алексис. – Я всё понимаю.

– Дом, в котором жила прежняя учительница, на прошлой неделе сдали семье из Вайоминга, они прибыли с последним караваном переселенцев. Но мы нашли выход!

– Мы?

– Да. – Колум замялся. – Дело в том, что два года назад, когда мы с Киллианом приехали в Колорадо-Спрингс, он приобрёл участок земли недалеко от города. Там стоит небольшой дом, в котором есть все условия для жизни, и за умеренную плату Киллиан согласился его вам сдать.

– Но где же тогда будет жить он сам? – нахмурилась Алексис. Жить в доме угрюмого пропойцы совершенно не хотелось.

– Он там не живёт, – горько обронил Колум, помолчав, и продолжил ровным тоном: – Он купил его по одной причине: когда поселение только создавалось, по местным законам остаться здесь могли только те, у кого есть земля. Я – священник, меня этот закон не коснулся. А Киллиан купил участок со старым охотничьим домиком. Конечно, он его немного переделал, – поспешил заверить Колум, – но жить там не стал. Он редко бывает в городе и, когда приезжает, ночует в основном у Фрэнка. Всё остальное время Киллиан занят двумя вещами: занимается сопровождать караваны из города в город или ловит индейцев.

– Ловит индейцев? – брови Алексис поползли вверх. Образ бравого охотника за скальпами мало вязался с внешностью младшего МакРайана.

– Это долгая история, – вздохнул Колум, поджимая тонкие губы. Было очевидно, что обсуждать эту тему сейчас он не намерен. Впрочем, Алексис не стала настаивать. Солнце ярко светило, пробиваясь сквозь густые ветви клёна, ветер качал их, и пёстрые тени играли на столе. Спорить, а уж тем более выпрашивать что-то о прошлом Киллиана не было ни малейшего желания. Кафе постепенно наполнялось. Жители приходили поодиночке или же целыми семьями, непременно подходя, чтобы поздороваться с отцом Колумом и познакомиться с Алексис. Она честно старалась запомнить каждого, но через полчаса поняла, что это бесполезно.

– Значит, вы не против переехать в дом Киллиана? – в очередной раз уточнил Колум, когда они направились к салуну.

– Если, как вы уверяете, в этом нет ничего предосудительного и если, опять же, по вашим словам, я его не потесню, то что мне остаётся делать?

– В таком случае не будем откладывать, – воодушевился Колум. – Собирайте вещи, я зайду через четверть часа, мне надо подвезти повозку, она стоит у кузнеца.

– Уже покидаете нас, миссис Коули? – широко улыбнулся Фрэнк, стоя в дверях салуна и неспешно раскуривая новую сигару.

– Да, отец МакРайан нашёл мне дом, – кивнула Алексис, не скрывая своего удовольствия.

– Жаль. Мне кажется, вы смогли бы найти себя в «Рыжем псе», – ухмыльнулся Фрэнк, выпуская облако дыма. – Я знаю, как выглядят отчаявшиеся женщины, Алексис, – фамильярно заявил он, – и поверьте, их взгляд я не перепутаю ни с каким другим.

– Вы ошибаетесь, – холодно проговорила Алексис. Она не была отчаявшейся. Она просто очень хотела начать жить дальше.

***

Повозка неспешно катилась по дороге, всё больше отдаляясь от города. Алексис несколько раз оглянулась, пытаясь представить, куда же её везут, но Колум упорно игнорировал её взгляды, с весёлым прищуром поглядывая на неё из-под шляпы. Наконец Алексис не выдержала.

– Мы точно едем правильной дорогой? Город ведь уже закончился.

– В городе живёт едва ли половина жителей Колорадо-Спрингс, – посмеиваясь, заявил Колум и легонько стегнул лошадь. – Остальные расселились в округе, ведь многие ведут хозяйство. Не волнуйтесь, верхом до самого города всего десять минут, а мы уже почти приехали. Смотрите.

Лошадь остановилась на пригорке, и Алексис, не сдержавшись, ахнула. Впереди лежал Пайкс-Пик, окутанный пушистыми белыми облаками. С его склонов вниз спускались густые тёмные леса, словно разбегаясь, стоило достигнуть долины. Лес обрывался резко, переходя

в высушенную прерию с редкими чахлыми кустами и низкорослыми деревьями. Но ближе к пригорку, на котором стояла повозка, начинали расти деревья, и можно было разглядеть крыши построек. Алексис насчитала восемь домов, разбросанных на расстоянии полумили друг от друга. Дорога вела вниз, теряясь в небольшой роще.

Они снова тронулись, но теперь Алексис сидела тихо, впитывая в себя окружающую природу, дикую, чуждую, так до сих пор и не ставшую привычной. С неба слетел резкий протяжный крик, заставив поднять голову. Там, в синеве кружился орёл. Засмотревшись, Алексис не сразу заметила, что повозка остановилась.

– Добро пожаловать домой. – Колум спрыгнул на землю и протянул руку, помогая спуститься. Дом и впрямь оказался небольшим, но с виду вполне целым. Доски, из которых он был построен, уже потемнели от времени, на крыше яркими пятнами лежал мох. Небольшая веранда опоясывала его с одной стороны, а за домом виднелись постройки.

– Это мои соседи? – с надеждой спросила Алексис.

– Нет, – расхохотался Колум, направляясь к дому и вынуждая следовать за собой. – Это амбар и дровяной сарай. Ближайшие соседи за этой рощей, Каннинги. Очень хорошая семья, завтра я вас обязательно познакомлю. Трое из их шести детей будут вашими учениками.

Пропустив слова про учеников, Алексис уцепилась за единственную, казавшуюся ей сейчас важной, мысль.

– Я буду жить здесь совсем одна? – уточнила она.

– Боюсь, служанку вы здесь себе не найдёте, – неправильно истолковал её вопрос Колум. – Правда, если вы не уверены, что сможете справиться, я поищу комнату в городе, но тогда вам придётся вернуться в салун и...

– Нет-нет, я не об этом, – поспешила уверить Алексис, обгоняя его и первой поднимаясь по ступенькам к двери. – Я жила в доме в несколько раз больше, чем этот, и неплохо справлялась. Так что одиночество меня как раз не пугает. Просто здесь так тихо и так красиво...

– Подождите, вы ещё не видели дом внутри, – усмехнулся Колум. – Я попросил миссис Каннинг помочь вам с уборкой, но она сможет только завтра.

– Один день в пыли я переживу, – небрежно пожал плечами Алексис и распахнула дверь.

Комментарий к Глава 3

*Чёрные кодексы – свод законов для бывших рабов, принятый после окончания Гражданской войны.

**фронтир – зона освоения Дикого Запада

==== Глава 4 =====

В ноздри ударил запах сырости и застоялого воздуха. Колум остановился за спиной, не решаясь нарушить молчание. Поняв, что отступить всё равно некуда, Алексис расправила плечи и смело шагнула внутрь, пытаясь не морщиться. Позади Колум зашумел ставнями, впуская свет.

С первого взгляда всё было не так уж и плохо. Простые дощатые стены, пол из светлого дерева. Справа от входа небольшой стол с тазом для мытья посуды, рукомойник над ним и мутное зеркало. Рядом – две полки с разномастной утварью. Дальше – железная печка. Напротив входа – камин, на полу перед ним – большая тёмная медвежья шкура. Справа от камина стояла узкая кровать, накрытая шерстяным одеялом, слева – грубо сколоченный шкаф. Стол, два стула и лавка.

Когда оба окна были открыты, нашлась и причина сырости – над камином по стене расплылось пятно. Колум подошёл и озадаченно посмотрел наверх.

– Надо же, – смущённо протянул он. – Когда я был здесь в последний раз, крыша не текла.

– А когда это было? – Алексис душил нервный смех.

– Два месяца назад, – нехотя признал отец МакРайан. – Крыша прохудилась. Но вам повезло, – бодро ответил он, поворачиваясь. – В ближайшие недели дождей не будет. Киллиан придёт и залатает дыру, в остальном ведь всё в порядке!

– Могло быть и хуже, – вздохнула Алексис, опускаясь на стул и разглядывая своё новое жилище. Загравев дверцами, Колум извлёк из ящика рядом с рукомойником мутную бутылку с керосином. Рядом с печкой нашлись остатки крупы, недоеденной мышами, и пустой мешок из-под бобов.

– Я привёз с собой консервы и кофе. – Колум остановился посередине комнаты и упёр руки в бока. – В ближайшее время мы с вами навестим Дженкинса, и вы сможете основательно запастись едой и всем необходимым.

– Если честно, сейчас мне необходимо просто помыться, – вполголоса пробормотала Алексис, радуясь, что перед ней священник, а не обычный мужчина. Но тот не услышал. – А где отхожее место?

– За домом. Пойдёмте, покажу вам двор и остальные постройки, – воодушевился Колум, радуясь, что появился повод выйти из затхлой комнаты.

Оставив после себя дверь и окна распахнутыми, они обошли дом и оказались во внутреннем дворе, заросшем сухим пыльным бурьяном. После сырости хотелось вдыхать полной грудью запах полевых трав, выжженных солнцем. Трещали кузнечики и цикады, над блеклыми, выцветшими цветами порхали мелкие бабочки.

– Колодец здесь, – крикнул Колум отставшей на несколько шагов Алексис. Подобрав юбки, она с трудом пробралась через бурьян и увидела колодец и ведро, крепко привязанное верёвкой к вороту. Не останавливаясь, Колум уверенно пошёл дальше, открывая дверь в амбар. В стойлах было пусто, в углу лежала охапка прошлогоднего сена. Здесь же обнаружили коса, лопата и пила. Рядом – ящик для инструментов, из которого торчал молоток. А дальше, в глубине, виднелась большая деревянная лохань.

– Здесь можно стирать и мыться, – сказал Колум. – Она тяжелая, так что я помогу вам вытащить её во двор.

– А в дом поставить не получится? – робко поинтересовалась Алексис, представляя, сколько вёдер воды ей стоит натаскать и нагреть, чтобы смыть, наконец, с себя дорожную пыль.

– Можно, конечно, – с готовностью откликнулся Колум. – Но, во-первых, она займёт полкомнаты, а во-вторых, кто вам её оттуда потом вытащит? Вы лучше решите, где она должна стоять во дворе, там мы её и установим.

Дровяной сарай особого интереса не вызвал. Они просто заглянули туда, чтобы убедиться, что тот полон наполовину. Топор и колун обнаружили здесь же.

Пока Колум носил вещи, Алексис набрала воды и поставила ведро на плиту, провозившись с розжигом отсыревших дров несколько долгих минут. В конце концов, Колум просто плеснул на них керосина, и в следующую секунду польхнуло голубое пламя, расплзаясь по печи. Вдвоём они перенесли сундуки и мешок с консервами и кофе. Отец МакРайан несомненно преуменьшил свою помощь: здесь также нашлись и свежий хлеб из кафе, и небольшая кастрюлька с жарким оттуда же.

– У Эммы всегда можно купить ужин или обед, – пояснил Колум, раскладывая запасы на столе. – А ещё можно заказать еду заранее, всё, что пожелаете. Она – прекрасная кухарка, служила в доме плантатора из Калифорнии больше десяти лет и готовила ему и его семье.

– Я никогда с вами не расплачусь, – благодарно сказала Алексис, разглядывая еду, которой ей, при должной экономии, хватит на неделю.

– Ну что вы, – усмехнулся Колум. – Это я должен просить у вас прощения, что не смог устроить ваш быт так, как подобает. Можете считать это, – он обвёл глазами стол, – моей попыткой сказать «извините». Ни о каком долге не может быть и речи!

– Вы – чудо! – с жаром воскликнула Алексис, двумя руками пожимая его ладонь. Колум мягко улыбнулся, глядя на неё сверху вниз.

– Это вы – чудо, Алексис, – улыбнулся он. – Колорадо-Спрингс повезло со своей учительницей.

– Господи! – спохватилась та, – а когда же начнутся занятия?!

– Как только вы обустроитесь, – заверил Колум. – В воскресенье, после службы, мы устраиваем пикники на поляне перед церковью. Там вы познакомитесь и с родителями, и с детьми. А после подумаем о том, когда приступить к обучению.

Алексис вдруг поняла, что до сих пор держит его ладонь. Смущённо отпрянула и разгладила юбку, не зная, куда деть руки. Колум, заметив её смятение, слабо улыбнулся и отошёл к столу, подбирая мешок.

– Если вам пока больше ничего не нужно... – начал он, но Алексис его перебила.

– Вы и так мне уже очень помогли! – заверила она. – За меня не волнуйтесь! Но... Вы же приедете завтра?

– Завтра к вам приедут Каннинги, ваши соседи. Они согласились помочь. Уверен, вы с ними подружитесь. А мне надо объехать дальние фермы, там давно ждут священника.

Алексис вышла на порог проводить отца МакРайана. Он сбежал по ступенькам вниз и ещё раз тепло улыбнулся, держа в руках шляпу.

– До встречи!

Щёлкнули вожжи, повозка медленно покатила по дороге и вскоре исчезла за поворотом. Алексис вздохнула и облокотилась на перила, положив подбородок на подставленные ладони. Впереди, насколько хватало глаз, тянулся невысокий лиственный пролесок. А над ним поднималась вездесущая гора Пайкс-Пик. Вершина без снежной шапки подпирала ярко-синее небо. Вокруг было тихо, только звенели насекомые да пели птицы. Глубоко вздохнув, Алексис развернулась и вошла в дом.

Воздух здесь стал свежее, но всё равно вездесущий запах сырости щекотал ноздри. Остановившись на пороге, Алексис огляделась, раздумывая, с чего лучше начать. Подошла к кровати, осторожно потрогала матрас, туго набитый соломой. Стоило вытащить его на улицу проветриться, что она и сделала, с трудом перекинув его через перила. Туда же отправились и подушка с покрывалом. Веник обнаружился за камином, рядом с совком, кочергой и щипцами. В ведре зашумела вода.

Когда солнце скрылось за горой, Алексис наконец села и устало вздохнула, вытирая лоб. Домик не преобразился до неузнаваемости, но определённо стал чище. На плите закипало

второе ведро – обмыться. Купаться в темноте, да ещё перед стеной леса, Алексис не хотела. Лучше уж сделать это поутру, а потом постирать одежду, простыню и наволочку, которые она сняла с кровати. Пользоваться чужим постельным бельём не хотелось. Да и у неё были свои простыни, приданое из прошлой жизни. Жаль, не удалось забрать всё. Ей бы очень пригодились сейчас пуховые подушки и перины, хлопковые расшитые скатерти и салфетки, а так же серебро, фарфор, хрусталь... Алексис усмехнулась, обрывая сама себя. Да, на этом столе белоснежная скатерть, вышитая магнолиями, смотрелась бы как нельзя кстати! И хозяйка дома в пыльном дорожном платье, с грязными, слипшимися волосами.

Покосившись на сундуки, Алексис пожевала губу – соблазн наполнить домик предметами из прошлого был так велик! Конечно, она оставила неизмеримо много, но те крохи, что удалось спасти, были самыми дорогими. Нет, она не станет заниматься этим сейчас, когда живот урчит от голода, а глаза слипаются от усталости. Сняв с плиты ведро, Алексис достала кастрюльку с жарким и принялась переливать воду для мытья в небольшой медный таз. От предвкушения зачесалась кожа, словно только и ждала момента, когда можно будет избавиться от одежды. Пуговицы под горлом сами прыгнули в руки, и пальцы быстро заскользили по петлям. Платье соскользнуло к ногам, следом полетели нижние юбки. Оставшись в одной сорочке, Алексис оглянулась на окна, потом, нервно вздрогнув, закрыла ставни. И, наконец, разделась окончательно, становясь ногами в лохань. Завтра будет ванна, а сейчас бы просто смыть с себя пыль и пот последних дней, растирая небольшой кусочек мыла в руках. Хотелось отмыть и голову, но для этого пришлось бы снова греть воду, а за окнами уже стемнело. Представив, что придётся идти через двор, Алексис отказалась от этой затеи. Прощёпав мокрыми ногами по полу, ёжась от холода, она подошла к сундукам и раскрыла первый, ныряя в стопку аккуратно сложенной одежды и доставая оттуда длинную, до пят, ночную рубашку из тонкого мягкого хлопка цвета слоновой кости. Она завязывалась под горлом на шёлковый шнурок, а на груди были вышиты шелковыми лентами нежно-розовые цветы. Накинув на плечи шаль, Алексис сдвинула лохань в сторону и быстро накрыла себе на стол.

Только когда посуда заняла своё место в мойке, а кофе – в кружке, Алексис наконец смогла выдохнуть и расслабиться. На долину опустилась ночь. Робко, будто настраивая инструменты, запели сверчки; сквозь неплотно прикрытый ставень проник луч встававшей над лесом луны, и тут же померк, встречаясь со светом лампы. Дома сейчас бы кричали ночные птицы и шуршал испанский мох. А ещё из кухни доносилось бы ворчание экономки, и на заднем дворе тихо пели бы рабы, подыгрывая себе на джембе*. Сама же Алексис уже лежала бы на пушистой перине и смотрела, как Джон снимает с себя домашний халат и тушит одну за другой свечи...

Она скучала по нему. Отчаянно скучала по ласковой улыбке и тихому голосу, по долгим разговорам вечерами. Иногда Алексис просыпалась среди ночи и спросонья искала его, чтобы обнять и прижаться носом к ямочке между лопаток. Но руки обнимали пустоту, и тогда хотелось кричать, кричать во весь голос. Она не умела быть одна. Не привыкла.

Странно, но здесь впервые за несколько лет одиночество не было таким невыносимым. Окружённая чужими людьми, в сотне миль от дома, она чувствовала умиротворение. Возможно, сказывалась усталость и напряжённая дорога, где приходилось постоянно быть на виду, среди десятков незнакомцев. А сейчас, в этой тишине, в домике, затерянном в лесу, ей было тихо. Словно в насмешку до слуха донёсся пронзительный вой. Вздрогнув, Алексис обеспокоенно посмотрела на дверь, но засов выглядел надёжным и крепким. Подумав, она открыла сундук и осторожно достала винтовку. Положив её на колени, снова залезла внутрь и добавила к ней револьвер. Оружие было холодным и тяжёлым, таким же, как когда она впервые взяла его в руки. Забравшись в кровать, Алексис положила револьвер под подушку, а винтовку поставила рядом, прислонив к стене. Перед глазами отчётливо вставал тот день, когда она стала их хозяйкой.

***

«Белый цвет», Вирджиния, 1864 г.

Мужчина стоял спиной к ней, копясь в комод. Кружевные чепцы, панталоны, нижние сорочки летели на пол, покрывая его шёлковым ковром бледных цветов. Алексис шла медленно, почти не дыша, держа в руках большой кухонный нож. Больше никто не посмеет ограбить её! Никто и никогда! Она лучше лично спалит «Белый цвет», но больше его не переступит ни одна нога янки!

Солдат тем временем покончил с одним ящиком и рванул на себя другой. В этот момент Алексис оказалась как раз над его спиной и, замахнувшись, всадила нож в основание шеи, стараясь не думать о том, что пронзает живую плоть. Мужчина булькнул и завалился вперёд, утыкаясь головой в стопку платков. Кровь закапала на пол, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее. Лужа стремительно расплзалась, и пришлось отступить, чтобы не испачкать юбки.

Несколько мучительно долгих минут, а может, часов, Алексис стояла над телом, не решаясь двинуться с места. Но потом, очнувшись от потрясения, обошла его и быстро опустилась на колени, осторожно снимая с плеча солдата винтовку. Отложив её в сторону, она быстро осмотрела китель, доставая из кобуры револьвер. Патроны нашлись в заплечной сумке.

Когда вернулись с поля Сэм и Генри, – последние оставшиеся при ней рабы-мужчины, и янки обрёл вечный покой на заднем дворе, Алексис разложила перед собой на столе оружие, пытаясь вспомнить, что слышала и знала о том, как с ним обращаться.

Гораздо позже, спустя несколько дней, под молчаливое одобрение старой няни Розы и визгливые и напуганные причитания её племянницы Мэнсис, Алексис училась стрелять на заднем дворе. Винтовка была не только тяжёлой, но ещё и очень больно била в плечо во время выстрела. Вскоре оно превратилось в сплошной синяк, но Алексис, сжимая зубы, снова и снова взводила курок, пока не стала хотя бы попадать в ствол векового дуба в три обхвата, который рос перед домом.

Несколько раз винтовка спасала жизнь ей и её людям. Чаще всего достаточно было просто выйти с ней наперевес на порог дома, и солдаты, редко забредавшие в поместье большими группами, уходили. Два раза пришлось стрелять, и один раз она даже попала. Алексис не стала выяснять, куда, и даже думать не хотела, что человек мог умереть, но тот факт, что мародёры ушли благодаря ей, наполнял гордостью.

***

Впервые за долгое время Алексис проснулась отдохнувшей. Матрас, впрочем, проветривать надо не один день – за ночь она словно вся напиталась запахом сырости. Но в остальном спалось отлично. Закутавшись в шаль, Алексис нырнула ногами в домашние туфли и вышла на веранду. Край солнца только показался из-за гор, окрашивая лес на склонах в ярко-зелёные краски. С громкими криками пролетела мимо стайка скворцов. Счастливо рассмеявшись, Алексис раскинула руки, словно пыталась обнять весь этот яркий, просыпающийся мир.

После завтрака и очередного сражения с матрасом, пришла очередь большой лохани, которую вынес вчера во двор отец Колум. Пока грелась вода, Алексис оттирала её, представляя, как помоеет, наконец, голову. Наполнить такую большую ванну оказалось непросто: пришлось греть три ведра, причём, пока они нагревались, вода в лохани постепенно остывала. Но всё же труды были вознаграждены, и спустя два часа Алексис уже погрузилась в неё, с наслаждением намыливая голову.

Вода стремительно остывала, но вылезать наружу не хотелось. Отец МакРайан сказал, что Каннинги придут после обеда, а значит, пока у неё масса времени на себя. Прикрыв глаза, Алексис откинула голову на деревянный бортик и блаженно вздохнула. От воды поднимался слабый аромат жасмина – остатки былой роскоши, привезённой из дома. Тёплый ветер шевелил высыхающие волосы, солнечные лучи скользили по лицу, щекоча нос. Оглушительно чихнув, Алексис открыла глаза и громко вскрикнула от неожиданности – в нескольких шагах

от неё стоял всадник. Плюхнула вода. Подтянув колени к груди, Алексис возмущённо воскликнула:

– Отвернитесь!

Лошадь послушно качнула головой, разворачиваясь, а Алексис уже рванула из лохани, драпируясь в простыню, лежавшую рядом. Скрутив волосы жгутом, она принялась отжимать их, недовольно поинтересовавшись:

– Давно вы здесь стоите?

– Хотелось бы постоять подольше, – раздался ленивый ответ. Возмущённо фыркнув, Алексис обошла всадника и, не оборачиваясь, скрылась в доме.

– Я смотрю, вы нашли применение лохани! – задорно крикнул Киллиан, спешиваясь и снимая с седла сумку. – Я стираю в ней попоны, если вам интересно! – Он подошёл к веранде и, облокотившись на стойку перил, достал огрызок сигары. Когда Алексис снова показалась на пороге, Киллиан уже вовсю курил, довольно жмурясь. Шляпа лежала рядом, и солнце играло в тёмных каштановых волосах.

– Лучше бы вы мылись в ней сами! – заявила Алексис, на ходу закрепляя мокрый пучок на голове шпильками. Злость на Киллиана кипела, затмевая все доводы благоразумия и учтивости. О каком воспитании может идти речь, когда здесь все поголовно им пренебрегают?!

– Я приехал посмотреть крышу, – примиряющим тоном сказал Киллиан, не спеша, впрочем, идти следом. – И я действительно только подъехал, когда вы открыли глаза! – донеслось до неё. Хотя это была ложь, и оба прекрасно об этом знали.

Киллиан поругался с Колумом ещё вечером, когда тот заявил, что надо срочно починить крышу.

– Я не просил тебя селить её туда! – возмутился он, когда брат поймал его по пути в салун. – Чини сам, насколько я помню, ты неплохо управляешься с молотком и гвоздями.

– Меня ждут на фермах, – спокойно произнёс Колум. – А ты, – его палец упёрся Киллиану в грудь, – совершенно свободен до следующей недели. Это я знаю точно.

– Слишком много ты знаешь, – досадливо ответил Киллиан, сплёвывая длинную тягучую табачную струю ему под ноги.

– Знаю, что Сомерсен собирает команду охотников, – прищурился Колум, обвиняюще смотрел на брата. – И что ты уже записался ехать с ними.

– А вот это уже не твоё дело! – ощерился Киллиан и развернулся, собираясь уходить.

– Ты прав, твоя жизнь – давно не моё дело! – Поймав его за рукав, Колум резко дёрнул брата на себя и сгрёб одной рукой за грудки, нависая над ним.

– Я давно не несу за тебя ответственности, – прошипел он угрожающе. Его глаза зажглись ледяным гневом. Казалось, ещё немного, и он зарычит. – Но если тебя поймут, если кто-то начнёт расследование, если...

– Кому они нужны, эти краснокожие? – презрительно ответил Киллиан, стряхивая его руки. – Агенты** не обращают внимания на то, что мы отлавливаем индейцев. А остальным нет до этого дела. Даже спасибо скажут, когда принесём десяток скальпов.

– Дело твоё. – Колум уже взял себя в руки, и теперь ничего не напоминало о прежней вспышке ярости. Приветливо кивнув семейной паре, прошедшей мимо, он повернулся к брату. – Ты же знаешь, что я тебя люблю.

– Знаю, – усмехнулся Киллиан, надевая шляпу.

– Будь осторожен. – Колум посмотрел на брата долгим, выразительным взглядом.

– А ты ведь и сам не прочь погонять индейцев по лесам! – На щетинистом лице расплылась хитрая улыбка. – Вот отчего ты так злишься! Так может...

– Не может, – отрезал Колум, одёргивая чёрный сюртук.

– Ладно-ладно. – Киллиан примиряюще похлопал брата по плечу. – Я поохочусь за нас двоих.

– Но сначала заедешь к учительнице и посмотришь крышу. – Открыв было рот, чтобы возразить, Киллиан обречённо кивнул.

И вот теперь он смотрел, как Алексис швыряет в лохань свою одежду, и про себя посмеивался, вспоминая возмущённый взгляд, которым она его одарила, когда заметила.

Комментарий к Глава 4

*джембе – западноафриканский барабан в форме кубка.

**Агенты – сотрудники Бюро по делам индейцев. Первое Бюро было открыто в 1806 году.

===== Глава 5 =====

Алексис так яростно тёрла платье в лохани, что кожа на руках покраснела и стёрлась на костяшках пальцев. Всякий раз, когда ветер доносил стук молотка, она вздрагивала и раздражённо поджимала губы, стараясь не думать о возмутительном поведении младшего МакРайана. Снова и снова возвращаясь мыслями к произошедшему, Алексис чувствовала, как вспыхивают щёки, и начинала тереть несчастное платье ещё сильнее.

Это было возмутительно! Киллиан МакРайан был возмутителен в своей наглой самоуверенности и полном равнодушии к чужому мнению. Его ленивый оценивающий взгляд так и стоял перед глазами. Будь её воля – толкнула бы его в эту лохань. Представив, что под её руками оказалась голова Киллиана, Алексис удвоила усилия, не чувствуя боли в стёртых костяшках. Неизвестно, чем бы закончилась эта яростная стирка, если бы не весёлые крики и смех, зазвучавшие в лесу.

Спустя несколько минут из-за поворота показалась повозка, в прямом смысле слова полная людей. На козлах сидела пара: мужчина держал вожжи, а женщина – маленького ребёнка на руках. За их спинами покачивались и подпрыгивали дети всех возрастов.

– Миссис Коули! – весело воскликнула женщина, когда повозка остановилась у порога. – Я – Мередит Каннинг, отец МакРайан должен был предупредить, что мы приедем.

– Да! – Алексис широко улыбалась, глядя на разномастную детвору, выпрыгивающую из повозки, как горох из стручка. – Я хочу заранее поблагодарить вас, что откликнулись.

Мередит, смешливая брюнетка с острым маленьким носиком и глубокими карими глазами, вызывала симпатию с первого взгляда. Россыпь веснушек на белой коже и ранние морщинки, разбегавшиеся от уголков глаз, делали её по-домашнему уютной. Пристроив малыша на сгиб бедра, Мередит кивнула на мужчину, помогавшего спуститься девочке с ещё одним малышом на руках.

– Это мой муж, Джон. – Высокий, худой и вихрастый, он дружелюбно кивнул, окидывая дом оценивающим взглядом.

– Я слышу, у вас тут уже есть помощники? – спросил он, задрал голову.

– Это Киллиан МакРайан, – едва удержавшись, чтобы не поморщиться, ответила Алексис. – Он чинит крышу.

– Пойду спрошу, не нужно ли чего, – кивнул Джон и скрылся за домом.

– А это наш выводок, – улыбаясь, принялась представлять Мередит. – Наши старшие двойняшки: Том и Сэм, – два мальчика лет девяти синхронно кивнули. Такие же кучерявые, как их отец, они были неразличимы и хитро смотрели на Алексис. – Наша Роза. – Миловидная девочка, чуть младше братьев, открыто разглядывала будущую учительницу, теребя бант на длинной толстой косе. – А это – Питер. – Пятилетний малыш робко выглядывал из-за юбки матери. – И, наконец, наши младшенькие, – Мередит легонько подбросила ребёнка в руках, – Трейси и, – кивок на такого же в руках Розы, – Кристина.

– Боюсь, что сразу всех не запомню, – искренне призналась Алексис. Мередит звонко рассмеялась.

– Не страшно! Мы и сами их порой путаем! Так что, приступим к уборке?

Дом и двор быстро наполнились детскими криками, смехом и плачем. Мередит с поистине арктическим хладнокровием не обращала на этот хаос ни малейшего внимания, помогая намывать окна и убирать паутину.

– Тебе обязательно нужны занавески, – пыхла она, пытаясь достать до угла веником с намотанной на него тряпкой. – Я видела у Дженкинса прекрасный ситец, он осветит этот дом, сама удивишься, когда увидишь!

– Звучит отлично. – Алексис импонировало то, как легко Мередит перешла на дружеский непринуждённый тон. – Но у меня сейчас нет денег на роскошь в виде занавесок.

– Возьмёшь в кредит, – пожала плечами Мередит, проходясь веником по потолку и скидывая на пол ошметки паутины и пыли. – У него весь город в кредит берёт. Тебе же будут платить. Как получишь деньги – рассчитаешься.

– Так можно? – Брови Алексис поползли вверх. Конечно, в Ричмонде магазины тоже продавали товары в кредит. Но там, чтобы заполучить заветную запись в книге учёта, надо было доказать свою платежеспособность. А этим как раз Алексис до последнего времени не могла похвастаться.

– Конечно! – Мередит слезла со стула и отряхнула зелёную юбку. – Если бы не кредит, Дженкинс и ему подобные давно разорились бы. Здесь все живут от получки до получки. Ковбои ждут, пока не заплатят за перегон. Охотники ждут сезона, чтобы сбыть пушнину. Шахтёры получают деньги от продажи угля, а золотоискатели и вовсе могут месяцами искать жилу. Так что в городе или есть деньги у всех, или нет ни у кого. Конечно, есть телеграфист, который получает зарплату от государства, и ты, учительница. Тебе тоже будут платить каждый месяц.

– И я правда могу купить всё необходимое? – всё ещё не веря, спросила Алексис.

– Конечно, – засмеялась Мередит. – Ладно. Лучше, чем есть, мы всё равно не сделаем. А насчёт занавесок подумай. Если хочешь, съездим к Дженкинсу завтра, сегодня уже не успеем. Я даже помогу тебе их сшить.

– Ты – чудо! – искренне вымолвила Алексис. Мередит махнула рукой и выскочила на крыльцо.

– А ну, быстро помогите нам накрыть на стол! – раздался зычный и неожиданно громкий для маленькой хрупкой женщины голос. словно по мановению волшебной палочки в дом принялись забегать дети, неся с собой корзины из повозки. Алексис не успела моргнуть, а стол уже был накрыт – Каннинги даже посуду привезли с собой!

– Не у каждого найдутся тарелки и вилки на такую ораву, – в ответ на её удивлённый взгляд сказала Мередит. – Пойду, позову мужчин. Надеюсь, с крышей они уже закончили.

Положа руку на сердце, Алексис надеялась, что Киллиан откажется. Но он спустился с крыши вместе с Джоном и сейчас активно плескался с одним из старших близнецов, который поливал им на руки.

– Миссис Коули, а когда приедет мистер Коули? – Роза расставляла тарелки, но сейчас подняла голову и посмотрела на Алексис. Мередит одёрнула дочь, но Алексис успокаивающе улыбнулась.

– Он погиб, Роза. На войне, три года назад.

– О, – только и смогла произнести девочка.

– Прости, Алекс, ей не стоило об этом спрашивать. – Мередит укоризненно посмотрела на Розу.

– Кому-нибудь надо было это спросить, не так ли? – пожала плечами Алексис. – Джон был прекрасным человеком и я очень его любила. Уверена, ты тоже встретишь когда-нибудь свою любовь. – Она погладила русую головку Розы и выглянула в окно. – Думаю, пора садиться за стол.

Обед проходил шумно и весело, впрочем, кажется, у семьи Каннингов иначе быть не могло. Алексис с удивлением смотрела на Киллиана, который с лёгкостью общался со старшими двойняшками и сейчас рассказывал им, как проще сделать силки на зайца. Вдруг Сэм, поднявшись за добавкой, толкнул малыша Питера и тот обиженно заныл. Быстро успокоив сына, Мередит вздохнула.

– С нами всегда становится тесно, – извиняющееся произнесла она. – И, кажется, после обеда дом придётся убирать заново.

– Большая семья – это прекрасно, – ответила Алексис, помогая убирать тарелки. – Хуже, когда дом большой, а за столом пусто.

– А у вас был большой дом? – спросила Роза. Остальные тут же притихли, прислушиваясь. Алексис задумчиво улыбнулась.

– О, да. Наше поместье было одним из самых больших в округе. В главный дом вела широкая лестница, и комнат было столько, что просто не счесть!

– Что, больше трёх? – недоверчиво протянул Сэм.

– Столько, что хватило бы каждому дать по комнате и ещё осталось бы! – со смехом ответила Алексис, глядя на недоверчивые детские лица.

– Враки! – авторитетно заявил второй из близнецов, Том. – Зачем нужен такой большой дом? Представляете, сколько нужно дров, чтобы его прогреть зимой!

– Зимы у нас были тёплые, – пояснила Алексис. – Но ты прав, такой большой дом очень тяжело содержать.

– А у вас были слуги? – Кажется, говорить о мистическом огромном доме детям было интереснее, чем слушать разговоры взрослых.

– Или рабы? – совсем тихо спросил Питер, глядя на Алексис огромными испуганными глазёнками.

– Так, на этом мы закончим допрос, – поспешила вмешаться Мередит, прежде чем Алексис открыла рот. – Займитесь сорняками во дворе, пока мы закончим здесь. Нам надо вернуться домой до заката.

Дети разочарованно закатили глаза, но послушно поплелись во двор. Джон и Киллиан вышли на веранду, раскуривая сигары.

– Прости их любопытство. – Мередит ловко управлялась с посудой, передавая чистые тарелки. Немного помолчав, она спросила: – Так у тебя были рабы?

– Были. – Алексис твёрдо посмотрела в её глаза, чувствуя, как в глубине вспыхивает внезапная злость. – Много рабов. И большие плантации хлопка и сахарной свеклы. И экипажи, несколько экипажей и колясок для выездов. И платья. Столько платьев, что они не вместились бы в этот дом. И...

Губы Алексис дрогнули, и она отвернулась, зло смахивая слёзы. Чувство вины за то, что когда-то была богата... Оно будет преследовать её всю жизнь? Почему ей стыдно перед этими людьми, явно живущими очень скромно? Почему она вообще должна стыдиться себя? Своего образования, образа жизни, к которому привыкла? Почему должна делать вид, что не жалеет, когда она жалеет! Каждый день жалеет, что потеряла свою жизнь, свой мир, всё то, привычное, что окружало с рождения. По чьей воле она оказалась на улице? Кто и когда решил, что может распоряжаться чужими судьбами? Кто и когда решил, что южане слишком независимы и богаты и надо заставить их платить за это?

Тёплая ладонь осторожно легла на плечо. Мередит обняла Алексис и зашептала горячо и сбивчиво:

– Ты никогда не должна стыдиться того, как жила и кем была, слышишь! Да здесь большинство жителей никогда в жизни не видели поезда, не умеют читать и писать, а у тебя отличное образование! Ты столько повидала и о таком можешь рассказать! Здесь не стыдиться, здесь завидовать надо!

Алексис смущённо кивнула и повернулась, улыбаясь сквозь слёзы.

– И учти, я хочу послушать как можно больше рассказов про все эти балы и приёмы. И про дом, конечно. Господи, а я тут к тебе с занавесками пристала!

– Занавески здесь действительно необходимы. – Алексис благодарно пожала руку Мередит. – Мы же сможем завтра съездить в город?

– Обязательно. А сейчас давай покончим с этой уборкой, мне ещё надо успеть приготовить ужин дома.

Солнце уже задевало верхушки, когда Каннинги засобирались. Шумно прощаясь, они заверяли Алексис, что всегда готовы прийти на помощь и рады будут видеть её у себя в любое время. Повозка выехала на дорогу, когда Киллиан вывел из амбара своего коня.

– У вас заканчивается сено, – вместо прощания сказал он, забираясь в седло. – Я займусь этим, когда вернусь.

– Вернётесь откуда? – невольно заинтересовалась Алексис, забыв даже возмутиться и сказать, что у неё нет лошади, а значит, нет нужды в сене.

– Всего вам хорошего, миссис Коули, – кивнул Киллиан, разворачивая коня. – Закрывайтесь на засов, по ночам тут полно енотов.

Повозку Мередит стало слышно задолго до того, как та показалась из-за поворота. Алексис уже стояла на крыльце, повязывая ленты соломенной шляпки под горлом. С собой она взяла все свои сбережения – восемьдесят долларов, но очень надеялась, что бакалейщик всё же откроет для неё кредит.

– А где остальные? – удивилась Алексис, забираясь рядом и беря на руки Питера.

– Оставила дома, там полно дел. – Мередит звонко цокнула и хлестнула вожжами. Повозка послушно покатила по дороге. – Тебе бы тоже не мешало обзавестись лошастью. Без неё здесь никак.

– Едва ли я смогу на неё забраться. – Алексис усмехнулась. – А денег на дамское седло мне точно никогда не хватит.

– Тогда бери с повозкой, – пожала плечами Мередит. – Хотя научиться ездить верхом всё равно придётся.

До города они добрались быстро, гораздо быстрее, чем казалось Алексис два дня назад, когда они ехали с отцом Колумом. Уверенно правя повозкой, Мередит остановилась перед лавкой бакалейщика.

– Мистер Дженкинс! – Подхватив из рук Алексис сына, она поспешила внутрь лавки. – Мистер Дженкинс, посмотрите, кого я к вам привела!

Алексис зашла следом, с любопытством оглядываясь. Полки до потолка были заполнены всевозможными товарами, от гвоздей, лежавших в больших бочках, до конфет и булавок. Вдоль стен стояли мешки с мукой и крупами, ящики с консервами. В глубине виднелись мотки ткани, клубки разноцветной шерсти; под потолком висела, тихо позвякивая на сквозняке, лошадиная упряжь. Невысокий седой мужчина в белой рубашке, длинном тёмно-сером фартуке и нарукавниках до локтей вышел из-за полок, вытирая руки о тряпку.

– А, миссис Каннинг, – добродушно улыбнулся он, доставая из кармана конфету и протягивая её Питеру. – А где остальные сорванцы?

– Дома. – Мередит потянула Алексис за руку, заставляя встать рядом. – Миссис Коули, наша новая учительница.

– Как же, слышан. – Дженкинс, не скрываясь, разглядывал Алексис. Потом кивнул, словно соглашаясь с мнением, составленным ранее. – Добро пожаловать, миссис Коули. Надеюсь, вы у нас надолго задержитесь.

– Я тоже на это надеюсь. – Алексис замялась. – Мне много надо приобрести, вот только не думаю, что смогу расплатиться сразу, поэтому...

– Отец Колум уже поручился за вас, – отмахнулся Дженкинс. – Берите всё необходимое, а кредит я вам открою.

– А где миссис Дженкинс? – поинтересовалась Мередит, оттащив Питера от банки с лакрицей.

– Ушла на телеграф, отправить письмо детям. – Дженкинс посмотрел на Алексис. – Так с чего начнём?

– Не знаю, – растерялась та. – Мне, кажется, нужно всё!

– Люблю слышать подобное от покупателей, – довольно потёр руки бакалейщик и кивнул на полки, приглашая проследовать за собой.

Они вышли из лавки спустя полтора часа, основательно нагрузив повозку.

– Миссис Коули! – Мимо прошёл Фрэнк. – Мередит.

– Фрэнк! – обрадовалась та. – Поможете нам?

– Разве я могу отказать двум прелестным женщинам? – ухмыльнулся Фрэнк, распрямляя плечи и встряхивая светлой гривой волос.

– Нам нужна лошадь, – сказала Алексис. Фрэнк самодовольно вздёрнул подбородок.

– Тогда, леди, вы обратились по адресу. Давайте сходим в кузницу, у Коула всегда есть в запасе несколько лошадёнок.

– И повозка, – добавила Алексис, шагая за Фрэнком к кузнице. Город уже не казался ей чуждым, она даже узнала нескольких жителей, с которыми познакомилась в кафе, а те, похоже, точно запомнили её, кивая при встрече.

– Значит, верховая лошадь вам не понадобится, – заключил Фрэнк, когда они подошли к невысокому забору, за которым виднелась кузница. Во дворе стояли многочисленные заготовки, из здания доносился мерный стук. – Подождите здесь, я приведу Коула.

– Не стоило, конечно, просить Фрэнка, – досадуя на себя, сказала Мередит. – Теперь он ещё полгода будет напоминать, как помог нам.

– Да, не самый приятный тип, – согласилась Алексис. – Но точно лучше мистера МакРайана.

– Ты про Киллиана? Я его мало знаю. Он редко появляется в городе, но в просьбах помочь никогда не отказывает. В прошлом году он помог Джону согнать скот, когда стадо разогнали койоты. А весной починил нам сарай, когда на крышу рухнуло дерево.

Алексис удивлённо покачала головой. Внешность, конечно, бывает обманчива, но её отношение к мистеру МакРайану сложно изменить рассказами о бескорыстной помощи. К тому же, Мередит быстро развеяла и это заблуждение.

– Он взял денег меньше, чем Коул, а сделал всё не хуже.

– Значит, мне тоже надо будет заплатить ему за починку крыши? – ахнула Алексис.

– Не думаю, – рассмеялась Мередит. – Он же чинил собственный дом. Смотри! Солдаты!

И действительно, в начале улицы показалась группа всадников, и Алексис невольно жалась, разглядев тёмно-синие мундиры. Солдаты медленно ехали по дороге, а местные жители провожали их настороженными взглядами.

– А их здесь не слишком любят, – заметила Алексис, крепко сцепив руки, чтобы унять дрожь. Она-то определённо могла сказать, как относится к Армии Соединённых Штатов.

– Если солдаты вошли в город, – обеспокоенно проговорила Мередит, прижимая к себе Питера, – значит, случилось что-то серьёзное. Они редко покидают форт, и то только по воскресеньям. Что-то случилось, капрал Лоуренс?

Всадники как раз поравнялись с женщинами, и один из них, услышав оклик, отделился от остальных и подъехал ближе, приподнимая шляпу.

– Мэм, – он с интересом посмотрел на Алексис. Та ответила угрюмым взглядом. Не будь она настроена столь категорично, капрала Лоуренса можно было бы признать привлекательным. На узком загорелом лице ярко горели синие глаза, открытая улыбка пряталась в ухоженной золотой бороде. Форма удивительно шла капралу, и он абсолютно точно знал это.

– Миссис Коули, – представилась Алексис, чувствуя себя неловко под прямым оценивающим взглядом.

– Капрал Дэвид Лоуренс, – кивнул он, переводя взгляд на Мередит. – В предгорьях замечены Воины-Псы*, мы решили усилить патрулирование. Так что теперь вам придётся терпеть наше соседство чаще.

– Ну что вы, – махнула рукой Мередит, смущённо покраснев. – Главное, что вы защищаете нас. Вы же не дадите им напасть на город?

– Ну что вы, мэ, – тонко улыбнулся Лоуренс. – Пока мы здесь, вы в полной безопасности!

Комментарий к Глава 5

*Воины-Псы, или Люди Собаки, Солдаты Псы, как их ещё называли – одно из четырёх военных обществ шайеннов. Когда начались столкновения с евро-американцами, они взяли на себя роль защитников своего народа, что привлекло к ним много бойцов, не желавших жить в резервации и следовать миролюбивой политике племенных вождей Черный Котел и Белая Антилопа. После резни, устроенной полковником Чивингтоном 29 ноября 1864 года на реке Сэнд-Крик, где было безжалостно убито около 200 шайенских женщин и детей, Солдаты Псы стали основной боевой силой племени, оказывавшей яростное сопротивление американской армии.

===== Глава 6 =====

В салуне было шумно. Солдаты, внезапно нагрянувшие в город, охотно заказывали пиво под строгим взглядом капрала Лоуренса. Девочки лениво прохаживались вдоль столиков, разнося напитки и кокетливо улыбаясь, пока Кайла откупоривала бутылки.

Лоуренс прокручивал в руках стакан, наблюдая за её отточенными движениями, прислушиваясь к шуму за спиной. Наконец он подозвал Кайлу:

– Скажи-ка, милая, где я могу найти Киллиана МакРайана?

Кайла хлопнула глазами, тень узнавания мелькнула в их глубине и по-детски пухлые губы сложились в улыбку.

– Да вон он сидит, за дальним столом!

Подмигнув Кайле, Лоуренс оторвался от стойки и пересёк зал, останавливаясь перед Киллианом.

– Мистер МакРайан? – Дождавшись утвердительного кивка, капрал спросил: – Вы не против, если я присяду?

Киллиан равнодушно пожал плечами, допил виски и сделал знак проходящей мимо проститутке. Потом откинулся на спинку стула и достал огрызок сигары, время от времени бросая короткие изучающие взгляды исподлобья. Капрал терпеливо ждал, сняв кепи и положив на стол перед собой.

– Вы что-то хотели? – поинтересовался Киллиан, когда пауза чересчур затянулась.

– Капрал Лоуренс. – МакРайан не ответил, занятый раскуриванием сигары. Наконец её кончик начал тлеть, и, пустив в потолок струю сизого дыма, Киллиан снова посмотрел на капрала. Расценив это, как приглашение продолжать, Лоуренс заговорил: – Я много слышал о вас, ротный сержант МакРайан. Вы получили сержанта после битвы под Геттисбергом, в сражении у Чаттануги были уже первым сержантом, а в Атланте...

– Я хорошо знаю свою биографию, капрал. – Перед Киллианом появился новый стакан. – Вопрос в том, зачем её так тщательно изучать вам?

– Вы храбрый солдат, сержант МакРайан. Такие как вы часто остаются не у дел, когда заканчивается война. Вы не думали о том, чтобы вернуться в армию? – Капрал достал портсигар и изящным движением откинул посеребрённую крышку, доставая тонкую сигару.

– Для вербовки вы выбрали не то время, капрал, – усмехнулся Киллиан, закидывая ногу на ногу. – Приходите зимой, здесь будет полно юнцов, мечтающих сбежать подальше из скучного городишки.

– Мы воюем с индейцами, сержант. – Лоуренс пристально следил за лицом собеседника, но тот лишь равнодушно пожал плечами, перекидывая сигару из одного угла рта в другой. – Я слышал о вашей семье, и...

Кaprал не успел договорить – Киллиан резко выбросил руку, хватая его за грудки и притягивая к себе.

– Не лезьте не в своё дело, капрал, – низким, угрожающим голосом заговорил он. – И не пытайтесь воззвать к жалости или чувству долга. Я ничего не должен вашей армии, как и вашей стране.

Солдаты за столом взволнованно зашевелились, кое-кто даже положил руку на рукоять револьвера. Но Лоуренс успокаивающе махнул рукой в их сторону, а сам пристально взглянул прямо в глаза МакРайану.

– Между тем моя страна приняла вас, когда ваша выплюнула.

На мгновение Лоуренсу показалось, что Киллиан его ударит – злоба полыхнула во взгляде. Но Киллиан выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и отбросил капрала обратно на стул, затем небрежно отряхнул его мундир и отсалютовал стаканом.

– Обсуждать, кто и откуда родом можно бесконечно долго, капрал. И если хотите, мы непременно обсудим вашу родословную. В другой раз. – Он замолчал и продолжил после паузы: – У меня к индейцам свои счёты, вы правы. Но даже ради них я не вернусь в армию.

– Я не стану настаивать, мистер МакРайан, – сухо ответил Лоуренс, – но уверен, что мы ещё вернёмся к этому разговору.

– Не тратьте понапрасну время, капрал. – Киллиан холодно сверкнул глазами. – Моё «нет» всегда означает «нет» и ничего другого.

– Благодарю за честность, сержант, – коротко кивнул Лоуренс, поднимаясь и забирая со стола кепи. – Не скажу, что доволен нашим разговором, но определённо рад знакомству.

Проследив взглядом за капралом, который присоединился к своим людям за соседним столом, Киллиан одним махом опрокинул в себя остатки виски и вышел из салуна, щурясь на оказавшееся чересчур ярким солнце. То, что о нём вдруг вспомнили, да так, что подняли личное дело, настораживало. Стоило рассказать Колуму и решить, не пора ли срываться с насиженного места, или же тревога ложная, и просто не в меру приткий капрал хочет усилить свой отряд и местный форт?

Нахлобучив шляпу, Киллиан вытащил изо рта потухшую сигару, повертел в руках и с сожалением отправил в стоявшую на выходе плевательницу. Стоило заглянуть к Дженкинсу, пополнить запасы перед отъездом.

– Мистер МакРайан! Киллиан! Добрый день!

Из-за забора, отделявшего двор кузницы от дороги, ему махала Мередит. Киллиан кивнул, собираясь пройти дальше, когда услышал звонкий переливчатый смех. «Да чтоб тебя!» – раздражённо вспыхнуло в голове. Он подошёл к забору, облакачиваясь на него. Мередит тут же повернулась, принимаясь оживлённо рассказывать, как долго Фрэнк помогал им выбирать лошадь, а потом и повозку. И вот теперь учит Алексис ей управлять.

– Алексис говорила, что умеет управлять двуколкой, но эта повозка – сущее наказание! – заключила Мередит, приложив руку козырьком и глядя вперёд. Судя по тому, как повозка кренилась на поворотах, Киллиан готов был с ней согласиться: казалось, она вот-вот потеряет колесо.

– Надо сказать Коулу, чтобы скинул пару долларов и заодно посмотрел ось. – Фрэнк открыто любовался Алексис: её горящими от азарта зелёными глазами, тем, как она в волнении прикусывает нижнюю губу, входя в поворот. Повозку трянуло, Алексис подпрыгнула, и Фрэнк легко поймал её, придерживая за талию. Натянув поводья, она остановила повозку и, не переставая улыбаться, решительно убрала чужую руку.

– Спасибо за помощь, мистер Салливан. – Алексис расправила юбку на коленях и посмотрела на Фрэнка.

– Фрэнк, миссис Коули, – растянулся в улыбке Фрэнк. – В последний раз по фамилии меня называла мамаша. Надеюсь, её котёл в аду как следует прогревают, – добавил он вполголоса.

– Фрэнк, – согласно кивнула Алексис. Опустившись на землю, погладила пегую лошадь, которая теперь перешла в её собственность. Как давно она не ездила верхом!

– Вот видите, теперь у вас есть лошадь, – раздался знакомый голос, и Алексис обернулась. Младший МакРайан стоял у изгороди рядом с Мередит, причём, видимо, довольно давно. Вместо сигары во рту он держал тонкую соломинку, и её кончик непрерывно плясал в воздухе.

– Я подумала, раз вы решили заготовить сена, то ему не стоит пропадать зазря.

Настроение было слишком хорошим, чтобы портить его общением с Киллианом. Поэтому Алексис, не переставая улыбаться, прошла мимо, беря под руку Мередит.

Мягкие сумерки погружали лес в тишину, смазывая чёткие силуэты деревьев. В амбаре тихо фыркала лошадь, припасы, купленные у Дженкинса, уже были разложены, а Алексис сидела на крыльце, закутавшись в шаль, и неспешно пила кофе. Жизнь постепенно налажива-

лась, и сегодня, вернувшись из города, она чувствовала, что возвращается домой. Или почти домой, – конечно, назвать это место своим домом было бы слишком поспешно.

Почти все сбережения ушли на лошадь и повозку, обошедшиеся почти в пятьдесят долларов, и теперь стоило решить, отдать ли часть оставшихся денег, чтобы погасить долг у Дженкинса, или же дожидаться первого чека от комитета*, а пока приберечь их? Где-то в горах залаял койот, коротко подвывая. Алексис откинулась к стене, прислонившись к тёплым, прогретым за день доскам, от которых слабо пахло сосной и пылью. Подняв глаза к небу, она наблюдала, как зажигаются звёзды: сначала по одной, неспешно. А потом их уже невозможно было отследить – так быстро возникали светящиеся точки на фиолетовом, почти чёрном небе. Во всём этом сверкающем великолепии тёмная громада горы казалась таинственной и жутковатой. Где-то там, на её склонах, жили индейцы. Алексис не пичкали с детства страшными сказками про жутких краснокожих. Напротив, отец любил повторять, что уж если краснокожие дети знают два языка, то Алексис и думать не должна о том, чтобы лениться за французским!

Но впервые увидеть их удалось только во время войны. Когда армия Конфедерации проходила через Вирджинию, в её числе был и батальон индейцев – разведчиков и снайперов.

Сначала полная надежд и задора от победы при Булл-Ран, после битвы при Чаттануге разбитая и окровавленная, армия вернулась сотнями повозок с ранеными. Там погиб её Джон... Тогда, в госпитале, забитом под завязку, она искала его, заглядывая в измученные, искривлённые от боли лица, и не находила. Десятки лиц, одинаковых в своём страдании. Именно тогда Алексис и увидела индейцев.

Не хотелось об этом вспоминать. Хотелось забыть, как страшный сон, и больше никогда не задышаться от запаха смерти, забивающего ноздри и пропитавшего одежду. Не чувствовать, как горит кожа, стягиваясь под коркой чужой крови, на лице и руках. Не смотреть на отрезанные конечности и не помогать резать их самой. Заново родиться...

Алексис тяжело вздохнула и открыла глаза. Тишина. Здесь было по-прежнему тихо и спокойно, только звёзды безмолвно смотрели с вышины. Ветер шумел в листве, принося аромат ночных цветов и хвои. Потянувшись, она поднялась и, бросив последний взгляд на гору, вошла в дом.

Утро воскресенья, яркое и солнечное, застало Алексис в раздумьях. Застыв над раскрытым сундуком, она разглядывала скудный гардероб, решая, что лучше надеть в церковь. Два повседневных платья, две юбки, три блузки. Зимняя одежда в другом сундуке. И роскошь, настолько непозволительная и чуждая здесь – три бальных платья из прошлого. Занимающие почти весь сундук. Перевезённые через весь континент. Шёлк, парча, тафта и вышивка. Нижние юбки и глубокое декольте. И запах. Непередаваемый запах Юга. Зачем она везла их с собой – Алексис и сама бы не смогла ответить. Зато точно знала – она никогда больше не наденет эти наряды. Куда?

– Алексис!

Каннинги уже приехали, когда Алексис, воткнув последнюю шпильку в тугую косу, уложенную в корону на голове, поправила косынку на плечах и, подхватив соломенную шляпу с широкими полями, вышла из дома. Мередит пересела к ней с младшими, а Джон покатиł впереди с остальным семейством.

– Я взяла яблочный пирог, кофе и сэндвичи. – Мередит кивнула на объёмную корзину, прикрытую клетчатым платком.

– У меня только кофе и конфеты детям, – смущённо проговорила Алексис.

– Надо бы научить тебя готовить, – рассмеялась Мередит, подбросив на коленях дочку. – И делать заготовки на зиму.

Алексис рассеянно кивнула, глядя на церковь, показавшуюся впереди. Повозка покатиłась по дороге, ведущей через большой луг. Здесь уже собрался, кажется, весь город. Люди смеялись, приветствуя друг друга, предвкушая пикник после службы и обмениваясь послед-

ними новостями. Кто-то был уже знаком Алексис, но большинство она видела впервые и внезапно оробела, держась Каннинггов и не отходя от них.

– Алексис! – Колум вынырнул из толпы прихожан, широко улыбаясь. В чёрной сутане с белоснежным воротом он выглядел внушительно. Но Алексис вдруг поняла, что ужасно соскучилась по тёплому взгляду голубых глаз и доверительной улыбке.

– Отец МакРайан! – Она отошла от Каннинггов, протягивая руки и пожимая его ладонь. Колум, не скрываясь, восхищённо смотрел на неё. В ситцевом платье цвета весенней листвы, с белоснежным платком на плечах, украшенным канвой из светло-зелёных цветов и листьев, она казалась яркой и в то же время очень хрупкой. Чуть больше пяти футов изящества и красоты.

– Вы прекрасно выглядите! Как вы устроились?

– Спасибо, всё хорошо. Знаете, мне бы хотелось по...

– Простите, Алексис. – Колум извиняюще улыбнулся. – Мы обязательно поговорим после службы. Я представлю вас нашим жителям официально, будьте готовы.

Служба тянулась медленно, может, из-за того, что Алексис ждала её окончания и того, что выйдет и встанет рядом с алтарём, и отец Колум попросит произнести приветственную речь? Сейчас здесь было душно. За спинами прихожан, у входа, стояли девочки из салуна, и запах дешёвых духов наполнял небольшое помещение, заставляя миссис Дженкинс закрывать глаза, то и дело прикладывая к носу платок. Наконец проповедь закончилась, и Алексис, смущённо улыбаясь, прошла по проходу. Короткая приветственная речь, дружелюбные выкрики, шумные поздравления и аплодисменты – всё прошло гораздо легче и быстрее, чем казалось.

Спустя час, заново познакомившись с одними жителями и впервые – с другими, Алексис наконец нашла Каннинггов и направилась к ним.

– Вы не против, если я провожу вас? – Колум возник из ниоткуда, отделившись от небольшой компании прихожан. – Нам следует назначить время, когда надо собраться и подготовиться к занятиям школу. После отъезда учительницы она использовалась как склад. Я уже сказал тем, кто хранил там вещи, забрать их до конца недели, но не думаю, что кто-то поспешил это сделать. Проще организовать людей сейчас, когда они все здесь.

– Было бы замечательно, – кивнула Алексис. – А так же мне надо посмотреть, что с учебниками. Может, что-то придётся заказывать в Денвере.

– Отец МакРайан! – приветливо воскликнула Мередит, двигаясь и освобождая места, чтобы сесть. – Присоединяйтесь. Как дела на дальних фермах? Я слышала, у Гассов койоты задрали трёх коз?

– Так и есть, – откликнулся Колум, опускаясь на покрывало рядом с Алексис. Он заговорил о незнакомых ей людях и их проблемах, и она с лёгкостью отпустила нить разговора, оглядываясь.

Весь луг вокруг церкви пестрел пледами и покрывалами. Этот пикник было очень похоже на те, что привыкла посещать Алексис. И не похож одновременно. Где вышколенные слуги, держащие в руках корзины с едой и посудой? Где накрытые столы с прохладными напитками, и почему дети просто так бегают между взрослых, весело гомоня?

За лугом, ближе к лесу, кто-то запускал красного летучего змея, и тот то взмывал в небо, то резко опадая, скача по траве. Алексис не могла не признать, что ей нравится. Всё это – шумные жители; звонкие дети; яркое небо; сочный тёмно-зелёный лес и гора, закрывающая полгоризонта – ей это всё нравилось. Хотелось улыбаться без причины, подставляя лицо солнечным лучам.

– Миссис Коули, а вы будете нам рассказывать про рыцарей?

Алексис обернулась – перед ней стояли несколько детей, возглавляемые старшими Каннинггами: Томом и Сэмом.

– Конечно, буду, – кивнула она. – А ещё мы будем читать про Александра Македонского, и про Юлия Цезаря.

– А кто это? – Детские глаза вспыхнули интересом, мальчишки и девчонки обступили Алексис, готовясь слушать.

– Узнаете в школе! – вмешался Колум, хитро глядя на них. – А ещё о том, как писать и читать. И считать!

Дети удручённо застонали и, попрощавшись, поспешили уйти. Колум покачал головой:

– Тяжело вам с ними будет. Они уже отвыкли от учёбы.

– Что ж, будем привыкать к дисциплине вместе, – задорно воскликнула Алексис. Колум рассмеялся.

– Я бы на вашем месте не давал им больших поблажек. А то ведь могут совсем на голову сесть, а вы и не заметите.

– Я постараюсь быть в меру строгой. – Алексис притворно нахмурилась, глядя на него. – Как полагаете, дети будут меня бояться?

– Честно? Не думаю.

Алексис вздохнула, расправляя платье на коленях. Потом подняла глаза на отца МакРайана и улыбнулась.

– Скорее бы это проверить. Вы говорили, просить людей о помощи проще сейчас. Может, займёмся этим, пока никто не разошёлся по делам?

Колум кивнул, поднимаясь, и протянул руку Алексис. Она с готовностью приняла помощь, вложив свою ладошку в его сухую, жесткую ладонь. Он потянул её наверх неожиданно резко, и Алексис чуть не уткнулась носом в его грудь – Колум едва успел придержать за талию, не дав завалиться на себя. Отец МакРайан уже избавился от сутаны и сейчас был в белой рубашке и чёрном сюртуке, сшитом из добротного сукна. В этой одежде, признала Алексис, он выглядел гораздо привычнее и ближе. А ещё, не смогла не отметить она, у него была необычайно крепкая и загорелая шея. И твёрдый, волевой подбородок с ямочкой посередине. Смущённая этими мыслями, Алексис отпрянула, но Колум, казалось, ничего не заметил.

– Я не думала, что найдутся те, кто будет против обучения своих детей, – заметила она, когда добрая часть горожан была опрошена, и согласие разобрать школу как можно скорее – получено. И это было правдой – некоторые родители категорически отказывались не только помогать, но и отпускать детей в школу, возмущаясь и заявляя, что они и сами без грамоты живут прекрасно, и детям в поле да на пастбище она не пригодится.

– Скоро начнётся сбор урожая, – вздохнул Колум. Они неспешно брели по лугу. – Большинство фермеров не может позволить себе наёмных работников, поэтому во время сбора работает вся семья. И отпускать детей – значит, оставлять семью без запасов на зиму.

Алексис молчала. Осознавать, что большинство детей могут попросту не научиться элементарным вещам, ужасало. Как и то, что в словах отца МакРайана и родителей было справедливое зерно.

– Может, мы сможем договориться и в пору уборки сделаем уроки короче? Или будем собираться хотя бы два раза в неделю? Но ведь совсем не учиться – не выход! К тому же, дети от шести до четырнадцати могут ходить в школу независимо от работы в полях?

– Кроме полей есть еще скотный двор. И птица. И уборка в доме.

– Но как-то же раньше они занимались! – воскликнула Алексис. – У вас же уже была школа!

– И туда ходили десять человек из двадцати двух, – вздохнул Колум. – Но вы правы – это надо менять. Завтра, когда будем разбирать школу, предложите своё решение, уверен, все с радостью пойдут вам навстречу.

– Мне навстречу? – нервно усмехнулась Алексис. – Разве учиться нужно мне?

– Вам нужна эта работа, – заметил Колум. – А детям – образование. Так что желание ваше должно быть обоюдным.

– Вы правы. – Алексис вздохнула и сорвала головку небесно-голубого цикория. Покрутив цветок в руке, она отбросила его в сторону и решительно посмотрела на священника. – Что ж, значит, мне надо как можно больше узнать о распорядке дня на фермах. Давайте спросим?

Всё оказалось не так сложно, как поначалу думала Алексис. Она, конечно, несколько раз пожалела, что не взяла с собой карандаш и бумагу, чтобы всё записать, но общие часы, которые можно выделить для обучения, уже складывались в голове.

Солнце уже царапало гору, и этот долгий, насыщенный день подходил к концу. Алексис стояла рядом с Колумом, прощаясь с последними прихожанами. Каннинги уже уехали – одна из младших близняшек раскапризничалась, и Мередит, сетуя на то, что забыла дома настойку копра, шустро погрузила семью в повозку.

– Неужели я опять опоздал на службу? – Алексис обернулась, встречаясь глазами с Киллианом. Он смотрел на неё сверху вниз, облокотившись о лук седла и пряча глаза под широкими полями шляпы. Но Алексис была уверена – в них опять горит насмешка. Кажется, по-другому младший МакРайан попросту не мог смотреть на мир.

– Иногда полезно поговорить с Богом, – тихо произнесла Алексис.

– Мы уже давно всё друг другу сказали, – холодно отрезал Киллиан, спешиваясь и призывая лошадь. – И больше друг друга не слышим. Надо поговорить, – это предназначалось Колуму.

– А мне пора домой, – засобиравшись Алексис.

Когда повозка неспешно катилась по лесу, она задумалась о словах Киллиана. Определённо это был один из самых противоречивых людей, встреченных в её жизни. И хотя он возмущал своим поведением, была в нём какая-то тайна, завесу которой иногда хотелось приоткрыть.

Комментарий к Глава 6

*комитет по образованию – фактически, орган местного самоуправления в каждом штате и графстве, практически не подчиняющийся Бюро образования в Вашингтоне.

=====**Глава 7**=====

1848 г., Ирландия, графство Уэксфорд

Глубоким багровым цветом полыхал закат. Один из тех, которые наблюдаешь, забыв обо всех делах. Из тех, что бывают только в середине лета. Июль в Уэксфорде выдался на удивление ясным: в меру мягким, в меру дождливым – идеальным для созревания урожая. Если бы было, где сажать. Ирландцы сгонялись с плодородных земель лендлордами, а те превращали пахоту в пастбища для коров и овец. Восстание, вспыхнувшее после картофельного голода и ужесточения законов королевы Виктории, было подавлено. И теперь по всей стране бывшие чартисты смотрели на пламенеющий закат, который для многих из них стал последним.

"... пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной..."*

Заунывное бормотание священника за стеной вызывало желание заткнуть его. Запахнуть свой ботинок прямо в глотку, глубоко, чтобы подавился. Чтобы кашлял и синел на глазах... Колум сжал кулаки и посмотрел на клочок неба, видневшийся через решетку. Они тоже были виноваты. Паписты. Те, кого всегда почитали и слушали; те, за кем шли. Разве не они, подкупленные протестантскими крысами из Лондона, на каждом углу вещали о том, что вооружённое восстание – зло? Не они ли внушали крестьянам, что следует подождать и склониться перед волей королевы?

– Горите в аду! – сквозь зубы пробормотал Колум и снова обратил свой взор на небо. Они проиграли. И теперь его ждёт ссылка в Австралию. Он готов. Но как быть с Киллианом? Брат, хоть и участвовал в движении, под внимание солдат пока не попал. Но это – временно. Как только утихнут основные волнения, и все зачинщики будут наказаны, армия и полиция обратят свои взоры на тех, кто был рядом. На родных и близких. А он... Колум бессильно кусал губы, – он будет в тысячах миль отсюда. И ничем не сможет помочь.

Небо тускнело, размывая краски, затих бормочущий голос, и только сдержанно всхлипывал О'Коннел, – тридцатилетний детина, отплывавший вместе с ним по утрам. У него оставались здесь жена и трое детей, но брать их с собой в ссылку запрещалось. Если повезёт, семья пересечёт океан и соединится с ним позже. Если хватит денег, которых сейчас нет даже на кусок хлеба...

Мысли снова вернулись к Киллиану, и в сердце остро защемило. Как он будет, четырнадцатилетний мальчишка, сирота без средств к существованию. Кем он сможет стать здесь, в этой задыхающейся, задавленной стране? Куда пойдёт? Колум вздохнул, подняв глаза и замечая первую звезду. «Мама, ты слышишь? Прости меня, я не смог защитить брата. И себя не смог».

Эта ночь тянулась бесконечно. Без сна, прислушиваясь к звуку шагов стражи по коридору, к звяканью ключей, к перекличке вполголоса... Колум не заметил, как его сморил сон, но чутко проснулся, вздрогнув от шороха у двери камеры. В темноте дверного проёма показался чёрный силуэт, на пол легла полоска света и тут же исчезла – фигура прошмыгнула внутрь, опускаясь на колени и быстро подползая к Колуму.

– Надеюсь, ты не в кандалах? – прошептала фигура голосом Киллиана, и Колум дёрнулся. Он мог ожидать, что его захотят спасти друзья, но то, что брат будет рисковать собой настолько безрассудно... Злость вспыхнула так внезапно, что потушила радость от скорой свободы.

– Какого чёрта ты здесь забыл?!

– Мог бы сказать спасибо, – не обращая внимания на возмущение, Киллиан быстро расправлялся с верёвкой, которой были связаны цепь и обручи на руках. Кузнец лежал с лихорадкой, а найти хоть кого-нибудь, кто пожелал бы забить в кандалы участников восстания, в деревне не нашлось. Завтра, поутру, должен был приехать кузнец из соседней деревни, и после того, как каждый каторжанин получит свои браслеты, они двинутся по этапу в порт.

Колум молчал. Боялся сорваться, наговорить лишнего и поставить под угрозу свободу. Свою и остальных братьев-чартистов. О'Коннел судорожно срывал верёвки, разом обретая решительность и собранность. В коридоре было тихо. Солдат из стражи лежал тут же, на полу, у входа в соседнюю камеру. Под его головой разливалось, поблескивая в свете фонаря, тёмное пятно.

– Где остальные? – спросил Колум. – Надо освободить всех.

– Нет времени, – тревожно прислушиваясь, ответил Киллиан. – Надо уходить.

– Но... – начал было О'Коннел, но в этот момент раздался крик на улице, и Киллиан, не медля, рванул к выходу. За дверью было относительно спокойно, но в воротах мелькали силуэты и слышались крики.

– Где остальные? – повторил Колум, проверяя пистолет, снятый с мёртвого солдата. Киллиан молчал, и брата поразила страшная догадка: – Ты пришёл один?

– Потом, – процедил мальчишка, сосредоточенно вглядываясь в темноту. У дальней стены что-то звякнуло в темноте, и через верх перебросилась верёвка.

– Быстро! – коротко скомандовал Киллиан, в очередной раз за эту ночь удивляя старшего брата собранностью и сосредоточенностью. Колум рванул вперёд, Киллиан следом. Перемахнув через стену, они остановились, ожидая О'Коннела. Грохнул выстрел, и тот, едва перекинув ногу, выгнулся, беззвучно хватая ртом воздух, и тяжело перевалился с другой стороны на землю.

– Скорее, уходим, – поторопил Колума голос. Он с удивлением посмотрел на невысокую, округлую фигуру священника. Доки чернели далеко впереди, и пока они бежали, Киллиан коротко рассказал свой план.

– Там, в порту, стоит судно «Томас Джефферсон», через час оно отходит в Америку. Я купил места, нас ждут.

– В Америку? – несмотря на усиливающиеся звуки погони за спиной, Колум споткнулся и замер, изумлённо глядя на младшего брата.

– Да, – нетерпеливо качнул каштановой чёлкой Киллиан. – А теперь давай скорее, если хочешь успеть.

Они бежали со всех ног, чувствуя, что лёгкие вот-вот разорвутся. Порт приближался, и гордые очертания корвета уже вырисовывались в рассветном небе, когда святой отец вдруг вильнул в сторону, спешно объясняя, что их мешки сложены на другом складе. Киллиан послушно нырнул следом, а Колум замешкался, как раз вовремя, чтобы успеть разглядеть чёрные тени, отделившиеся от соседнего склада.

– Засада! – крикнул он, вскидывая пистолет. Ночную тишину разорвали звуки выстрелов. Киллиан выскочил, как заяц, пригибаясь, держа на спине два увесистых мешка. Не сговариваясь, они свернули в сторону от дока, углубляясь в лабиринт складов и зданий, петляя и запутывая новую погоню. Рассвело, и уже можно было разглядеть дощатый настил под ногами, когда братья снова увидели море. Корвет медленно выходил в море, поднимая паруса, рассекая серую гладь. Переглянувшись, Киллиан и Колум бросились вперёд, не чувствуя боли в ногах, не обращая внимания на крики и выстрелы за спиной. Киллиан прыгнул первым, Колум – следом, погружаясь в воду и из-за холода не сразу почувствовав обжигающую боль в плече.

Вынырнув, он первым делом оглянулся, находя брата, и только после этого погрёб к корвету. Там уже заметили беглецов и выбросили верёвки. Уже на палубе, закутанные в одеяло, с кружками виски в руках, они смотрели на удаляющийся берег Ирландии, понимая, что больше никогда его не увидят.

– Священник предал нас, – глухо сказал Киллиан, опустив голову. – Я доверился не тому.

– К чёрту, – бодро воскликнул Колум, хлопнув младшего брата по плечу. – Пусть все паписты горят в аду! А мы идём к свободе и новой жизни!

***

Колум резко открыл глаза, чувствуя себя полностью отдохнувшим. Вроде бы прилег на полчаса, а сил – словно проспал всю ночь. Но почему опять этот сон? Всякий раз, когда должно случиться что-то нехорошее, ему снится побег из Ирландии. Колум нахмурился, сел на кровати и посмотрел в окно. Обед подходил к концу, и миссис Коули наверняка заждалась своего помощника. Колум поморщился – он не хотел сблизиться с учительницей. Что греха таить – она была прелестна сверх меры, остра на язык и, для представительниц своего пола, приятно умна. Но больше всего в ней притягивало другое – она была такой же – отверженной. Потерявшей мир. Прибитой сюда морем под названием Война. Она привлекала, притягивала к себе, вызывая вполне определённые желания, которых он должен был всеми силами сторониться. И Колум пытался, со всем рвением, свойственным его душе. Но отказать в помощи не мог.

Пыль была везде – кружилась в воздухе, забиваясь в нос, оседала на голубом платье и волосах. Оглушительно чихнув, Алексис решительно отставила в сторону метлу и вышла на крыльцо. Уборка школы шла второй день, и завтра заведение уже готовилось принять своих учеников. После воскресного обхода, составления списков и сведения воедино всех расписаний, родители пятнадцати мальчишек и девчонок согласились отдать своих чад. Пять дней в неделю, с девяти до часу, отныне дети будут посвящать занятиям. На школьном дворе – вытоптанной и утрамбованной площадке, уже стояли столы и лавки, сверху – ящики с учебниками. Из помещения вынесли всё, чтобы навести последний лоск.

Само здание стояло в конце улицы и примыкало к жилому двухэтажному дому. За двором начинался луг, и отсюда отлично просматривалась дорога, ведущая к церкви, и сама церковь. Горы синели за лесом, прячась в туманной дымке. Поставив ладонь козырьком, Алексис высматривала отца Колума, который обещал помочь и повесить грифельную доску. Её привезли вчера из Денвера, дилижансом – подарок от города новой учительнице. Но сначала надо было всё же завершить уборку, поэтому, глубоко вздохнув, Алексис вернулась к метле.

– Надо же, я и забыл, как чисто здесь может быть, – заявил Колум, появившись на пороге спустя полчаса. В руке он держал деревянный ящик с инструментами. Алексис разогнула спину и подняла на него глаза. Он как чувствовал, дождался, когда она домоет пол, успев два раза сходить к колодцу за водой.

Помещение было небольшим, всего-то тридцать квадратных ярдов, и места здесь хватало только на восемь столов в два ряда и учительский стол. Одно окно выходило на луг, второе – на улицу, по которой сейчас медленно брела собака. Ряд крючков для одежды у входа, да небольшой стеллаж напротив учительского стола для учебников и тетрадей – вот и вся скудная обстановка.

– Уже не ждала вас сегодня, – не сумев скрыть укор в голосе, произнесла Алексис. Она устала и чувствовала нарастающее раздражение. На пыль, на жару, на пот, что струился по спине, скапливаясь на поясице в поясе нижних юбок. На Колума, что казался таким свежим и отдохнувшим, в то время как она, вместо того, чтобы поражать джентльмена лёгкостью и нежностью, стоит и дышит тяжело, как ломовая лошадь.

Колум, засучив рукава, подошёл к дальней стене, примеряясь и доставая рулетку. Алексис прислонилась к стене, скрестив руки на груди. Наблюдать за отцом МакРайаном было приятно, его движения, отточенные, уверенные, были исполнены покоя и силы. Наверное, это грех – любоваться священником, но Алексис не чувствовала за собой вины. Отец МакРайан с его белозубой улыбкой на загорелом лице, с сильными руками, от которых с трудом можно было оторвать взгляд, с завитками светло-русых волос на плечах, вызывал мысли отнюдь не благочестивые. Но настолько невероятные, что, оставаясь на грани фантазии, они казались совершенно безобидными.

– Вы слышали, что сказал мистер Макги вчера? – решила прервать затянувшееся молчание Алексис, когда поняла, что созерцание влажной рубашки на спине отца Колума переходит все границы.

– Нет. – Колум поднял доску и внимательно на неё посмотрел. – Что-то приятное, надеюсь?

Он откровенно смеялся над ней, и Алексис это нравилось. Нравилось это чувство сопричастности и того, что не надо притворяться и можно говорить правду, зная, что та не шокирует.

– Он заявил, что мозг женщин слишком слаб, чтобы понять такие науки, как математика или логика. А вот правописание он считает вполне себе женским предметом, заявив, что писать письма – самое что ни на есть женское призвание.

– Разве он не прав? – хитро улыбнулся Колум, посмотрев на Алексис через плечо. Луч солнца скользнул в дом, упал на лоб преподобного отца и отразился в его ярких голубых глазах. Алексис преувеличенно небрежно пожала плечами. Ей было хорошо. Рядом с отцом Колумом ей всегда было спокойно и хорошо, возможно, потому что метущаяся душа искала покоя рядом со священником, или (об этом ей не хотелось думать) потому что он был слишком привлекательным, чтобы задумываться над тем, что и как говорить в его присутствии. Слишком много великолепных джентльменов знавала мисс Каннинг, а после и миссис Коули, чтобы теряться. Скорее, флирт настолько въелся в неё, что получался неосознанно, чем иногда приводил хозяйку в смущение.

– Прав, конечно, – притворно насупилась Алексис, отделившись от стены и подходя к Колуму. – Вот только разве может мужчина его склада ума знать, сколько на самом деле требуется женщине денег, чтобы вести хозяйство.

– Вы хотите научить местных девочек подобному? – нахмурился отец Колум.

– Нет, что вы! – со смехом воскликнула Алексис. – Я лишь хочу рассказать им, что они могут узнать немного больше, чем хочется их родителям.

– Знаете, – Колум наконец приладил доску к вбитым гвоздям и теперь отошёл в сторону, слегка прищурившись и оглядывая свои труды, – я бы на вашем месте не рисковал смущать умы местных мисс.

– Вы излишне суровы! – покачала головой Алексис, но продолжать спор не стала. Она уже успела понять, что на Юге к женскому образованию относились гораздо проще, чем в остальных штатах. Что не уставало удивлять, особенно после стольких разговоров о свободе от аболиционистов, которые Алексис слышала в гостинной янки, у которого работала после войны.

– Само то, что дети будут ходить в школу, – победа. Стоит порадоваться ей и не пытаться перешагнуть через голову.

– Не верится, что занятия наконец начнутся, – сказала Алексис спустя час, когда все столы и лавки заняли свои места, и помещение наконец приобрело вид класса. – Я иногда забываю цель своего приезда.

– Думаю, скоро вы будете мечтать о каникулах, – улыбнулся Колум. Они сидели на крыльце, пили кофе, сваренный на небольшой печке, и смотрели на Пайкс-Пик. Сейчас вершина горы горела всеми оттенками красного и розового, принимая вечерние солнечные ванны.

– А вы ходили в школу, преподобный?

– Нет, нас обучал местный священник, – сказал Колум. – Чтению, письму, математике. И, конечно, было много разговоров о религии. Очень много, – протянул он, улыбнувшись. – Киллиан любил слушать истории о Боге и Христе.

– А вы? – Алексис склонила голову, разглядывая его профиль. – Вы с самого начала знали, что будете священником?

– Конечно, – ровно кивнул Колум. – Я продолжил путь преподобного отца Барры. Он был прекрасным проповедником.

– Уверена, вы не хуже.

Они замолчали. Здесь, на заднем дворе, было тихо. Слышно было, как скрипят колёса ветряного насоса, стоявшего неподалёку, да в кустах впереди щебетала птичья мелюзга, укладываясь спать.

– Здесь очень красиво, – задумчиво проговорила Алексис. – Но не так, как дома.

– Скучаете? – сочувственно посмотрел Колум. Алексис кивнула. Конечно, она скучала. По густым лесам и влажному воздуху, по запаху воды и мягким склонам предгорий, покрытых зеленью. Тяжело вздохнув, Алексис повернулась к Колуму.

– А вы? Вы ведь из Ирландии, какая природа там?

– Другая, – в свою очередь вздохнул Колум. – Бескрайние пустоши, бурные горные реки, скалы и холодное море... Суровый край. И прекрасный.

– Да уж, забросило нас, – невесело ухмыльнулась Алексис, поднимаясь и отряхивая подол платья. – Пора собираться, завтра первый учебный день. Хотелось бы выспаться. Если получится, потому что от волнения я наверняка не смогу сомкнуть глаз.

– Уверен, у вас всё получится. – Колум поднялся следом. – А от волнения заварите ромашку с мятой.

Этот совет помогал всю неделю, без мяты и тысячелистника Алексис едва ли смогла бы спокойно сидеть в классе и находиться среди громких весёлых детей, радовавшихся всему подряд: началу занятий, солнцу и тому, что можно встречаться с друзьями каждый день. Август подходил к концу, но детей не огорчало, что занятия начались раньше положенного. Поэтому в вечер пятницы Алексис с удовольствием забралась в кровать, радуясь, что поутру не надо будет ехать в школу. Потушила свет, оставив одну свечу на тумбочке, и теперь наблюдала, как дымится отвар. Глаза постепенно слипались, и Алексис хотела было отставить кружку и тушить свет, когда на заднем дворе послышался шум. Сон моментально пропал. Алексис выпрямилась и осторожно взяла в руки винтовку. Прикосновение холодного металла придало уверенности, хотя снаружи снова стало тихо.

– Это еноты, – вслух произнесла Алексис, успокаивая себя. – Просто парочка енотов забралась в амбар. Завтра придётся собирать разбросанное сено и...

Шум повторился, заставив подпрыгнуть на кровати. Решительно поднявшись, Алексис накинула на плечи шаль, нырнула в туфли и, проверив ружьё, зажгла лампу.

Во дворе было темно и тихо. На земле лежали резкие чёрные тени, лёгкий ветерок шуршал листвой. Крепче обхватив ружьё, сжимая в другой руке лампу, Алексис пошла к амбару, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди. Она ступала почти бесшумно, подбираясь к распахнутой двери. У входа пришлось остановиться – от волнения и страха подкашивались ноги. А вдруг это медведь? Или... индеец? Даже представлять подобное было страшно, поэтому, выдохнув, Алексис подняла было лампу, когда до её слуха долетело отчётливое ругательство.

– Не двигайтесь, я буду стрелять! – крикнула Алексис в темноту, ставя лампу под ноги и поднимая винтовку. – Выходите немедленно! Я не шучу, я выстрелю!

– Не стреляйте, – раздался хриплый, надтреснутый голос. Опустив винтовку, Алексис подняла лампу и шагнула внутрь, вытягивая шею и пытаясь разглядеть пришельца.

– Мать Божия! – вырвалось у неё, когда это наконец удалось. Киллиан лежал на полу, прислонившись к столбу, подпиравшему крышу, и тяжело дышал. Света лампы было недостаточно, чтобы разглядеть всё как следует, но окровавленные руки и пятно, расплывающееся на груди, сразу бросалось в глаза.

Комментарий к Глава 7

*Псалом 22: 1:4. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

=====**Глава 8**=====

Киллиан дышал тяжело и часто, и в пляшущем свете керосиновой лампы его лицо, покрытое бисеринками пота, казалось бледным, почти серым. Алексис, повесив лампу на крюк над его головой, опустила на колени, боясь дотронуться до окровавленной груди. С каждым вздохом рубашка сильнее пропитывалась кровью.

– Вы сможете дойти до дома? – Алексис, взяв себя в руки, смотрела строго и серьёзно. Два года в госпитале не прошли даром – она знала, что делать.

– Я останусь здесь, – просипел Киллиан. – Не хочу испачкать чистые полы.

– Не говорите ерунды! – возмутилась Алексис. – Я не оставлю вас истекать кровью в амбаре! Поднимайтесь!

– Оставьте меня в покое! – Киллиан смотрел на неё с неприязнью, и Алексис уже собиралась ответить колкостью, когда поняла – ему больно. Очень больно и, наверное, страшно, но он ни за что этого не покажет.

– Я помогу. – Она смотрела серьёзно, прямо в почерневшие глаза. Киллиан слабо кивнул, сделал попытку приподняться, и тут же рухнул, зашипев сквозь зубы.

– Соберитесь. – Алексис надеялась, что голос её не дрожит. Запах крови, неровный свет, сдавленные стоны – слишком уж всё это напоминало госпиталь и то, что хотелось забыть. Чужую боль, чужие страдания, чужую смерть.

– Упрямая женщина! – процедил Киллиан. Дыхание стало прерывистым, он закатил глаза, слегка приоткрыв рот. Подождав пока успокоится, Алексис оперлась на колено, обхватила Киллиана за спину, закидывая руку себе на плечо, и начала подниматься. Зашипев, он попытался встать, хватаясь за её талию и цепляясь за шаль. Медленно, осторожно они пошли через двор, несколько раз останавливаясь, чтобы передохнуть – причём, неизвестно, кому больше нужен был перерыв. Когда они достигли порога, по лицам обоих струился пот, и Алексис, с трудом втащив Киллиана, буквально уронила его на шкуру перед камином. И выпрямилась, чувствуя, как подрагивают от напряжения мышцы. Он, кажется, от удара потерял сознание, но сейчас это было даже хорошо – не так отвлекало. Поставив на ещё тёплую печку чайник, Алексис зажгла две лампы и расположила их с двух сторон от раненого. Он лежал на боку, и худшие подозрения подтвердились, стоило посмотреть на спину – пуля осталась внутри.

Ополоснув руки, Алексис вновь вернулась к Киллиану, подложила под голову свёрнутый коврик. Руки мелко подрагивали, Киллиан лежал, не двигаясь, когда края рубашки разошлись, открывая пропитавшуюся кровью бандану, прижатую к ране. Набрав полную грудь воздуха, Алексис отняла влажную ткань. Выдохнула тихо и очень медленно. Оглянулась на печку, где уже зашумела вода.

Алексис давно заметила за собой странную особенность – чем страшнее и хуже становится мир вокруг неё, тем больше она собирается, и тем сложнее вывести её из равновесия. Вот и сейчас, глядя на лежащего на полу Киллиана, она поднялась, плотно перевязала шаль крест-накрест на талии, и принялась готовиться к операции. Голова работала чётко, ясно, перед глазами вставали другие раненные, но тогда рядом всегда был врач и набор медицинских инструментов! А сейчас? Чем извлечь пулю? Щипчиками для сахара? Алексис нервно усмехнулась, прикусила губу, раздумывая. Метнулась к столу, открывая плетёную корзинку с рукоделием. Пинцет нашёлся на дне, перепутанный обрывками ниток – серебряный, с изящно изогнутыми кончиками, которыми так удобно было брать крохотные бусинки. Положив его в кипящую кастрюльку, Алексис вздохнула, пытаясь унять дрожь. Страшно. Всё это – страшно. Что будет, если он умрёт? Бросив быстрый взгляд на Киллиана, Алексис нахмурилась. Почему он пришёл сюда? Почему не к брату? Эгоистичная мысль о том, что это Колум должен был сейчас быть

на её месте, быстро погасла, оставляя после себя неприятный осадок. Да, Киллиан МакРайан – не подарок, но разве она может спокойно смотреть на то, как он истекает кровью?

Киллиан очнулся, когда Алексис уже разложила приготовленные инструменты на полотенце и поставила рядом бутылку виски, найденную среди его запасов.

Он молча следил за её сосредоточенными приготовлениями, и Алексис вздрогнула от неожиданности, встречаясь с ним взглядом.

– Я надеялась, вы не придёте в себя до конца, – с сожалением проговорила она.

– Надеетесь, что я больше не очнусь? – через силу проговорил Киллиан.

– Напротив, – хмуро ответила Алексис. Руки вдруг стали влажными и липкими. – Надеюсь, вы уйдёте на своих двоих, и мне не придётся закапывать вас во дворе.

Губы скривились – от насмешки или попытки скрыть боль – было неясно. Но это послужило сигналом к тому, что пора приступать к делу. Решительно выдернув пробку из бутылки, Алексис протянула её Киллиану, приподняв ему голову и помогая сделать большой глоток.

– Вы тоже, – сипло сказал он, отдышавшись. Алексис замотала головой. – Надо. Вы так поблднели, словно... собираетесь упасть в обморок. На меня. Не то, чтобы я против...

Горло обожгло, на глазах выступили слёзы. Прижав ладонь ко рту, Алексис зажмурилась, чувствуя, как внутри разливается тепло. Открыла глаза, отставила бутылку и взяла в руки ткань, принимаясь промокать рану. Ошмётки кожи, кровавое месиво с осколками кости – с каждым новым движением Алексис стискивала зубы, словно сама была сейчас на месте Киллиана. На этот раз он молчал и, когда она склонилась над ним с пинцетом, возвёл глаза к потолку, крепко сжав рукой кобуру, висевшую на поясе.

Громкий крик пронзил тишину. Киллиан застонал сквозь зубы и дёрнулся, но Алексис надавила ему на грудь, заставляя оставаться на месте. Вслепую, на ощупь, принялась пробираться внутрь, пока металл не столкнулся с металлом. Из плотно зажмуренных глаз Киллиана текли слёзы, он мычал, но всё ещё удерживался на грани сознания. Наконец Алексис обхватила пулю и, вытащив, отбросила в сторону, принимаясь промокать непрерывно кровоточащую рану. Потом выдохнула и после секундного промедления плеснула виски. Новый крик, полный боли, резанул по ушам.

– Надо зашить рану, – умоляющим тоном проговорила Алексис. Киллиан молча кивнул. По его лицу струился пот, теряясь в спутанных волосах. Он стиснул челюсти, но мучительный стон всё равно прорвался, когда в кожу вошла игла.

«Потеряй сознание, ну, пожалуйста!», – молила про себя Алексис, делая новый стежок. Но Киллиан дотерпел до конца и только тогда провалился в спасительное забытие. Заметив, что он обмяк и задышал тихо, еле слышно, Алексис выдохнула от облегчения и прислонилась к холодному камню камина, устало вытягивая ноги. С момента, когда она встала с постели, до этой самой секунды едва ли прошло два часа, а казалось – сутки. Она чувствовала себя совершенно разбитой, а ведь ещё столько всего предстояло сделать! Убрать, осторожно стянуть остатки рубашки, стащив с плеча уцелевшую подтяжку. Расстегнуть широкий пояс кобуры, положить его вместе с револьвером на стол. И снова встать на колени, опуская руки в тёплую чистую воду в тазу.

Алексис осторожно промокнула кожу вокруг раны, потом провела по груди, стирая пот и пыль, по узкому бледно-розовому шраму, пересекавшему грудь. Сполоснула ткань и снова обтёрла, наблюдая, как покрывается мурашками его кожа и съёживаются соски. На правом боку – жуткий ожог, словно кто-то смял гладкую скатерть на столе, да так и оставил её скомканной. А ниже, почти у самого края полоски рыжеватых волос, начинавшихся у пупка, выглядывал рваный порез, совсем белый – шраму было много лет, и он успел разгладиться. Взгляд невольно скользнул дальше, следуя за дорожкой волос, скрывавшейся в брюках. Смутившись, Алексис отвернулась – разглядывание наполовину обнажённого мужчины, пусть даже

тот ранен и находится без сознания, не делает ей чести и говорит о распущенности. Да, именно так и сказала бы няня, поджав губы и сложив руки на обширной груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.